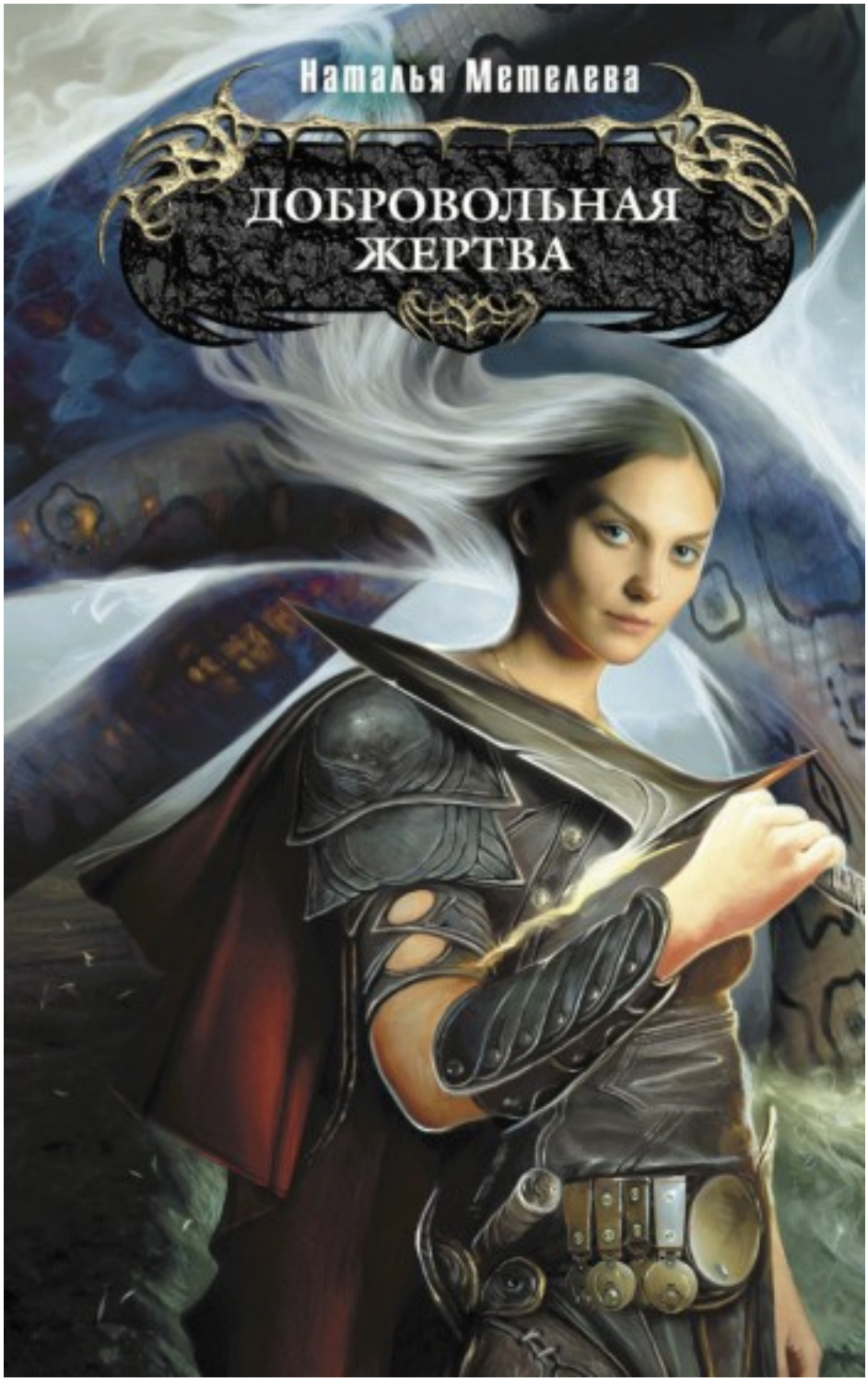

Наталья Метелева
ДОБРОВОЛЬНАЯ ЖЕРТВА

Наталья Владимировна Метелева

Добровольная жертва

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163356
Наталья Метелева Добровольная жертва: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24758-5

Аннотация

Зловещие события надвигаются на земли Вавилора, где издавна живут бок о бок расы людей, эльфов, гномов, драконов, вампиров и других разумных существ. Из древних легенд, из проклятых мест и заплесневелых колодцев выползли ниги – забытые боги, порождения тьмы и ужаса, могущественные существа с нечеловеческой логикой, угрожающие самому существованию Вавилора. И страшнее всего, что некоторые магические ордена готовы использовать их в качестве всесокрушающего оружия...

Прорицательница Радона даже не предполагала, что однажды ей придется встать на пути кошмарных нигов. Однако кому же, как не последней дочери истребленного народа, когда-то вступившего в смертельную битву со злобными богами, завершать не законченное много лет назад сражение?

Содержание

Пролог 4
Часть первая 15
1. 15
Храм Истины Гарса. 15
Столица королевства Рагор, два года назад. 16
Гарс. Храм Истины. Настоящее. 22
2. 27
3. 36
Окрестности замка Аболан, двенадцать лет назад. 37
Крепость Гарс. Настоящее. 40
4. 46
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Наталья Метелёва
Добровольная жертва

Говорю вам тайну: не все мы умрем,
но все изменимся, вдруг, во мгновение ока…
(Послание к Коринфянам другого мира)

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны,
и имею всякое познание и всю веру,
так что могу и горы переставлять,
а не имею любви, – то я ничто.
(Послание к Коринфянам другого мира)

Пролог
Оргеймская Пустошь

Мастер почувствовал себя так, словно на него вдруг напал манный пудинг. И даже не напал, что еще обиднее, а просто оказался за дверью вместо воздуха, едва мастер сделал шаг на улицу. И теперь Лерг торчал в вязком месиве как вишневая косточка.

В мире просто-напросто стоял снег. Не шел, не падал, а именно стоял – снежинка к снежинке, так плотно, как не мог себе позволить ни один из уважающих этот мир осадков. Тем более, снег, не предвиденный Лигой. И грянувший с ясного летнего неба.

Не будь Лерг телепатом, он бы запаниковал. Но он сначала прислушался, как паникуют одни, попавшие в пудинг, и распоряжаются издалека другие, не затронутые аномалией.

Нападение заподозрил не он один. Трудно не заподозрить. Снегу показалось мало обрушиться внезапно, так он еще выкинул странность, уложившись компактно, как солдатский скарб в заплечный мешок, аккурат в пределах стен. И не каких-нибудь, а охраняемых тщательнее королевских покоев – в сокровенном обиталище Лиги, в Оргеймской Пустоши. Снежок не затронул ни травинки за каменной границей на вершине холма, выделявшейся среди зелени, как тонзура монаха. Ни снежинки мимо.

Разумное объяснение случившемуся было только одно: Тварь, за которой охотилась Лига, пришла, наконец, за своей Деткой, спрятанной в укрепленных подземельях скита.

И мастер заторопился обратно, к входу в скрытые под внешними развалинами укрепленные казематы: подергать за удочку, проверить, жива ли Детка – наживка, на которую они уже год ловят Тварь, шевелится ли еще?

Наживка шевелилась весьма оживленно, можно было не беспокоиться. Она беззаботно опускала соломинку в стаканчик, наполненный мыльной пеной, и выдувала огромные мыльные пузыри, и те веселым жужжащим роем гонялись за ней по всей комнате. Девочка, уже вся в пенных брызгах, с визгом и смехом уворачивалась, носилась взъерошенной белкой, мячиком отскакивая от стены к стене, от пола к потолку.

По комнате реяла уже довольно приличная толпа хищных пузырей, сталкиваясь, и с легким хлопком пожирая друг друга при встрече. При появлении мастера стадо радужных монстриков разнообразнейшей формы, от дракончиков до волколака, с успехом взаимопожралось. Последняя бабочка с мордой брахиозавра радостно налетела на гостя, распушив прозрачные крылья, наделась разинутой пастью на голову и лопнула, обдав пеной и вкусным ароматом цветочного мыла.

– Спасибо, я уже брился, – проворчал мастер, оттирая приветственный салют со щек.

Наживка с обличьем пятилетней девочки захлопала в ладошки:

– Ам! Лерг! Убит и съеден. Нигьн!

Последнее слово она изобразила как громкое сглатывание слюнок. В яблочко. Что есть Тварь, как не сплошной глоток, судорога глотки? Ее нельзя было даже назвать формой жизни, поскольку форм у ее жизни было не меряно: по легендам, она могла принять любое обличье.

Иногда телепат в тайне от всех, чтоб не прослыть сумасшедшим, подозревал, что Тварь в мире может быть даже одна-единственная, но во многих ипостасях, в тысячах фантомных проявлений, и бессмысленно за ними охотиться – это все равно, что ловить солнце, гоняясь за солнечными зайчиками.

Мастер присел, полузакрыв глаза, изобразил убитого наповал и произнес замогильным басом:

– Приятного аппетита. Уроки выучены?

Детка сникла. Заковыряла носком ноги невидимую дырку в полу для скорейшего проваливания под землю, заканючила:

– Ну, Ле-е-ерг, ну там так ску-у-учно! Трижды три, дважды два… из города А в город Б… Лучше бы в пункт минус А, и то интереснее.

Лерг скорбно вздохнул: что за судьба быть пожизненной нянькой у монстрих?

– Что за пункт такой?

Девочка возбужденно затараторила, замахала руками, объясняя, но тут же выдала очередной парадокс, и объяснение превратилось в горный обвал, под которым исчезло всякое понимание:

– …И тогда ваше заклинание скорости, равной расстоянию, деленному на время, не сработает, потому что времени нет! Но не так нет, как ты думаешь, а иначе нет. У вас нет – это ноль, от-сутствие, не-деяние. Но даже ноль – все еще есть, от-сутствие подразумевает суть вне данного локуса, от-рицание постоянно возвращает к рицаемому, а не-деяние оставляет само деяние в мире. Поэтому для вас настоящее недеяние невозможно: если не делаете вы, то мир делает вас. Ваше «нет» – это попросту «не то». А это обратное всему, что ты можешь помыслить, «нет» должно быть абсолютным неуказанием… Ну почему ты такой тупой, Али? В этих задачах матушка учила меня делить бесконечность на остановленное время!

Мастер одним махом выбрался из-под обвала:

– Дорогуша, у нас тут другая школа и другие задачи, попробуй решить их так, чтобы срабатывали наши заклинания.

Девочка обреченно кивнула головкой.

Как тяжек труд дрессировщика монстров! Не знаешь, какое обыденное слово может стать камнем преткновения – Детка даже в простых понятиях находила какой-то иной, парадоксальный смысл. А с виду девочка как девочка: русая косичка, веснушчатый нос, детская припухлая фигурка, бледное от недостатка солнца и свежего воздуха личико… И мощный, невероятный для детского разум, и невозможный для детских сил щит, закрывавший ее от телепатического прощупывания, из под которого просачивались сущие мелочи.

Впрочем, может быть, это и не щит в нашем понимании: Детка мыслила настолько не по-человечески, что ей и защита не нужна была, ибо никто из людей не способен понять ее мысли. Попробуйте, не зная смысла иероглифов, прочитать бамбуковые книги острова Джа!

Лерг отер платком вспотевший лоб, отдал девочке пакет с печеньем и, пока она похрустывала, попытался выдуть из соломинки мыльного монстра. Как всегда, получился банальный сферический пузырь. Детка хихикнула на его попытку:

– Все дело в воздухе, который ты через себя пропускаешь. Ты вдыхаешь небо, а выдыхаешь уже немножко себя. А уж себя ты можешь лепить, как себе же нравится. Хочешь, я

познакомлю тебя с моей матушкой? Ты ей понравишься. Она научит тебя выдувать красивые пузыри.

Мастер содрогнулся, но поблагодарил за предложенную честь:

– С удовольствием, но мы не можем найти твою матушку. Она тебе как-то сообщила, где она может быть?

– Ты каждый раз спрашиваешь, Лерг, – грустно сказала девочка. – Я же тебе говорила: она называла это место Аруной.

Говорила. Но полуостров Аруна, сердце давно сгинувшего царства древних орантов, уже десятки веков неприступен для всего живого. Предания говорили, что там, за огнедышащими горами, непроходимой пустыней и бурными морями – затаилась Тварь. Мифический ниг – то ли монстр, то ли бессмертный демон. Проверить легенды никто не мог. Сам Владыка был не в силах проникнуть в потерянные для мира земли орантов. Лига не оставляла попыток пересечь барьреры, возведенные нигом. Или самой природой?

Лерг, как и многие, считал такую настойчивость безумной. Но год назад крестьяне обнаружили Детку. И Лига решила: если нельзя проникнуть к Твари, то почему бы не попытаться ее выманить, чтобы она сама пришла за своей Деткой? И тогда ее встретит сам Владыка. Белоголовый натх, охотник на нига…

– Говорила, – кивнул Лерг. – И я говорил: мы не можем попасть в земли Аруны. Твоя матушка не пускает.

– Меня бы пустила. Но вы не хотите взять меня с собой…

– Аруна слишком далеко, на краю света. Через все известные земли. Это опасное путешествие для ребенка.

Лерг даже не устыдился откровенной лжи. Как-то же преодолел этот пятилетний ребенок полконтинента, добрался чуть ли не до Пустоши. Лига проследила путь Детки: она шла от диких лесов Слепого Плато, граничившего с землями погибших орантов. А если провести прямую через весь континент – от полуострова Аруны через Пустошь – то стрелка показала бы на северный архипелаг, вонзилась бы Цитадель Бужды. Сердце злейших врагов Лиги.

– Но ты же можешь позвать матушку, и она придет за тобой, – напомнил телепат.

– Я зову непрерывно. Она молчит с тех пор, как я здесь.

– Как же ты меня с ней познакомишь?

Ведьма умоляюще заглянула в лицо мастера, обдав его сочной лесной зеленью глаз. И мастер горько вздохнул про себя, отметив, как пожухла эта зелень за время, проведенное в подземелье. Детка прошептала:

– Мы могли бы пойти наверх, к свету. Она где-то там. Молчит, и не может войти!

Гигант покрылся мурашками и стремглав выскочил из каземата: Тварь близко, детка почуяла присутствие «матушки»! Но дозорные только пожимали плечами: ничего, кроме снега. Да и тот упал весь, наконец, и обмер по сугробам, позволяя себя топтать и расчищать тропинки. Стражи не скрывали разочарования: долгожданная схватка свелась к размахиванию лопатами. Возможно, Владыка, которого они срочно вызвали, узнает, где и в каком обличье притаилась Тварь. Но охотник на нигов не торопился с визитом.

Мастер, проверив дозоры, вернулся к наживке.

Ведьма уже не носилась как белка по стенам, а висела на потолке вниз головой, скрестив руки и поджав под себя ноги. Точнее, не под себя, а как бы уже над собой. Ее растрепанные косички забавными сосульками свисали вниз, а нос сердито морщился. Вокруг тела от стены до стены серебрилась паутина. Лерг попятился: не хватало еще вляпаться и попасть к монстру на обед.

– Ты видел матушку? – спросила Детка.

– Нет, – признался мастер. – Может, спустишься?

– Не могу, я застряла сама в себе!

Одинокая слезинка капнула на каменный пол со звуком шлепнувшейся лягушки. Девочка дернулась, взмахнула руками, но нити держали ее прочно.

– Почему пауки не прилипают к паутине? – плачущим голоском спросила Детка. – Ведь паутина – это тоже паук!

– Если паутина – это ты, тогда отцепись от стен, – посоветовал мастер. – Мы в таких случаях разжимаем пальцы.

И он тут же шарахнулся в сторону из-под слетевшей вместе с паутиной ведьмы.

– Здорово! – засмеялась она, заелозив на полу подбитым воробьем. Она попыталась выбраться из собственной сети, но та только обмоталась вокруг нее плотным коконом. – Ну вот… совсем у-пала… пала… по-палась!

Мастер задумчиво обошел вокруг жертвы самое себя. Она не могла пошевелиться, и только беспомощно моргала. Потом пискнула:

– Лерг! Мне больно. Она… я… паутина засыхает!

Кокон, действительно, словно ужался и, по-видимому, сильно сдавил девочку. Лерг срочно припомнил все сведения о пауках, какие знал, но ничего подходящего для выхода из ситуации не нашел. Можно поджечь паутину факелом, но девочка сильно пострадает. И он выдал еще один совет дилетанта:

– А ты втяни ее в себя.

Обездвиженная Детка удивленно глянула на него сквозь серебристую кисею:

– Ага, попробуй втянуть в себя собственную руку!

– Втягивают же кошки когти, – не растерялся мастер.

Девочка призадумалась, а через несколько минут уже свободно прыгала, от восторга хлопая в ладошки:

– Какая славная игра в ловушку! Я даже испугалась!

Он дал ей порадоваться и пригвоздил:

– А как там с арифметикой?

Она скромно вздохнула, и Лерг ухватил за щенячий хвостик юркую монстрью мыслишку «Конфентка … карманчик…», и ухватил за бумажный хвостик уже перекочевавшую в детский кулачок конфету из его собственного надежно застегнутого кармана. За этой пятилеткой глаз да глаз!

– Э-э, нет, воришка! Сначала арифметика! И надо спросить разрешения, а не красть.

Детка распахнула глаза, погрузив его в лесную зелень, в недоумении наморщила лобик.

– Зачем? Это же моя конфета! Ты же принес ее мне!

– Еще не отдал, – резонно заметил мастер.

– Как это?! Ты мне ее отдал уже тогда, когда переложил в карман, чтобы принести мне.

– Нет, может так оказаться, что я нес ее кому-то другому. Не всякая конфета в моем кармане твоя.

– Не может. Я взяла только свою!

Истинная правда. Из десятка сладостей, упакованных в разные карманы, она утащила предназначенное именно ей.

– Она не твоя! – он решительно опустил в карман спасенное лакомство. – Она пока просто лежит в моем кармане. Брать нельзя.

– Но и лесная ягода просто лежит! – возмутилась ведьма. – Я вижу ее и срываю, зная, что она моя!

– Ягода принадлежит всем, в отличие от моего кармана. Она не имеет собственной воли. Кто увидит первым, тот и возьмет, если она ему покажется необходимой. А мой карман принадлежит мне, и в нем царит моя воля. Залезть в него без разрешения – нарушить мою волю.

Девочка с блестящими от обиды глазами, сердито сжав кулачки, доказывала, что и ягода имеет собственную волю, потому что иначе она ни за что не лежала бы так, чтобы ее заметили, а лежала бы как-то по-другому, под листком, например.

Лерг поежился, поняв, что Твари и людей сожрут из чувства долга, только потому, что на глаза попались: мол, не хотели бы сами люди, то не попались бы, а так – по своей воле будут съедены, получается. И пошли-поехали препирательства, неизменно доводившие спорщиков до головной боли в попытке найти точку пересечения, момент взаимопонимания двух непересекающихся параллельных логик, пока Лерг не отрезал:

– Твоей конфета будет, когда я сделаю вот этот жест: сам достану ее из кармана и сам положу тебе в ладошку.

– А, поняла! – радостно воскликнула Детка, тоже порядком измученная. – Ритуальный жест добровольной жертвы! Ты всё уже давно решил, и я об этом осведомлена, но нужен еще один символический подтверждающий жест. Да? И когда ты сам отдаешь мне в руку то, что уже давно отдал в мыслях, то это Ратификация. Да?

– Да. Можешь называть проще – согласие. Тогда это не будет кражей.

Он отдал ей конфету, и с облегчением перепоручил узницу надзору новенькой стражницы:

– Познакомься, малышка, это твоя новая воспитательница Лека.

– Моя … вос-питательница… – девочка задумчиво посмотрела на веселое, обрамленное легкомысленными кудряшками, лицо представленной девушки. – Мне ее матушка прислала?

Он объяснил, что Лека добровольно вызвалась помочь детке с умыванием и арифметикой, и ретировался под заинтересованный вопрос ведьмочки, обращенный к новой надзирающей: «Так ты моя … добровольная вос-питательница?» Что-то кольнуло его в этой фразе, но мастер отложил размышления до более спокойного времени.

Миновав внешний щит, Лерг расслабился и вздохнул полной грудью: во время ежедневных бесед ребенок с не меньшим усердием и силой взламывал его ментальную защиту. Ну и дети пошли! Все-таки в обете безбрачия служителей Внутреннего Круга Лиги есть свои прелести.

С этой утешительной мыслью мастер отправился к южным вратам встретить самого Главу Лиги – натха, вызванного в Пустошь взглянуть на летний снежок собственными верховными очами.

Погодная аномалия на вызванном переполохе не успокоилась и преподнесла очередной сюрприз: пока Лерг пересекал территорию скита, снежок поежился под прорвавшимся сквозь тучи рассвирепевшим солнцем, расползся бурными потоками и за каких-то десять минут растаял вместе с породившими его тучами. Таянье было не просто стремительным, а моментальным.

Прибывшему Владыке нечего было рассматривать, разве только подивиться чистоте отмытой до блеска каменистой почвы и такой весенней свежести воздуха, что Лерг с подозрением покосился на умытые деревья: не взбрело ли им еще и по-майски расцвести для полного сумасшествия? Не взбрело, с некоторым сожалением отметил мастер. Когда Глава Лиги ступил на склон холма, тот был уже сух, как пустыня.

Владыка не стал выслушивать доклад с подробностями дурного поведения снежка, непререкаемо объявив:

– Никаких явных следов Твари!

– Ну да, снег-то растаял, – проворчал Лерг, мокрый до ушей от внезапного превращения сугробов в озера, а последних в реки и далее в тугой туман.

Владыка повернул белоснежную голову:

– Вы объявили готовность?

– Всегда готовы. Круглосуточно. Но не перестраховываемся ли? – спросил Лерг, подцепив вилкой сочный рыбный ломтик. Глава изволил завтракать в общей трапезной вместе с рядовыми членами Лиги и начальниками воинского Круга.

– Это невозможно, когда речь идет об этих существах, – ответил белоголовый, и мастер уловил продолжение, посланное ему одному: *«…и когда мы бессильны».*

– Девочка чахнет, – сообщил Лерг. – Режим слишком строг.

Глава Лиги холодно вразумил:

– Детка твари, а не девочка. С каких пор мастер начал поддаваться видимости?

Лерг пожал плечами и потянулся за следующим ломтиком. Он сам не понимал, что на него нашло. Или близость Твари повлияла? Но сказал же белоголовый: никаких следов. Почему же так невыносимо сегодня смотреть в поникшие глаза Детки? И в пристальные очи Владыки?

Телепат сосредоточился на еде, как пифия на видении. Хотя больше всего ему хотелось встать и уйти из трапезной. Из Пустоши, из Лиги, из мира, если уж на то пошло. Из такого мира, где используют детей как червей для ловли рыбы.

Тяжкое молчание заставило Лерга поднять глаза, дабы глянуть, что там повисло как топор над шеей. Оказалось – пронзительный взгляд натха, все еще ждавшего ответа.

Мастер, давясь проклятым куском, спешно вышел из транса:

– А почему надо смотреть на них как на чудовищ? Это люди. Дети, которым не повезло. Похищенные или потерянные. Разве они виноваты? Не лучше ли, излечив, привлечь их на нашу сторону, пополнить ими иссякающие год от года силы Лиги?

Почтительно слушавшие сотрапезники брезгливо фыркнули полным составом. Телепат убедился в полной исключительности личного мнения. Что ж, нет пророка в своем отечестве, даже если он член Лиги пифий и пророков.

– И это невозможно, – невозмутимо ответил белоголовый. – Они уже меченые. Изгнание демонов – не в нашей власти.

Лерг решительно выскреб из себя давно накипевшую ересь:

– Да какие демоны! Простите, Владыка, но не сами ли мы их придумали?! Тварь, которую никто никогда не встречал, не ощущал, не видел! Да существует ли она? Что мы имеем для доказательства ее существования? Природные катаклизмы на каком-то полуострове? Горстку детей с аномальными, как сегодняшняя погода, способностями? Несколько обезумевших деревень? Людоедство? Этого мало! У нас нет свидетелей!

С безумцами не спорят, и собрание благоразумно промолчало, уткнув усмешки в бокалы. Владыка бровью не повел, но лицо стало еще строже. Что они имеют для доказательства… Судьбы погибших орантов им мало? У людей короткая память. И даже многие из Совета Лиги перестал верить в существование нигов, которых десятки веков никто в глаза не видел, и не мог ощутить их скрытого присутствия так, как способен только натх, охотник на Тварь. Невидимого врага смешно бояться. И никто еще не сказал в этом мире: «По делам их узнаете их».

Глава обвел холодным взглядом присутствующих, словно стирая усмешки с лиц. Поднялся, дав тем самым знак к окончанию трапезы:

– Пора вспомнить о плане «Атака».

– Только не это! – уже привычно нарушая этикет, вскричал мастер. *«Это катастрофа для нас!» – «Ты непоследователен, Лерг. Если Тварь не существует, то чего нам бояться?» – «Самих себя! Даже Лига может ошибаться. Ты убьешь девочку, но что придет следом? ЭТО растет изнутри нас, а не извне!» – «Обсудим на Совете твою гипотезу. Потом».*

Белоголовый, не глядя на него (*«Бедняга Лерг! Прости, дружище…»*), заявил во всеуслышанье:

– Мастер Лерг отстранен от участия.

Телепат рухнул, едва не раздавив стул. Он не мог поверить услышанному. План «Атака» подразумевал покушение на жизнь Детки с тем расчетом, что «матушка», с которой она поддерживает какую-то неуловимую связь, явится спасти свое потомство, и ловушка захлопнется.

Глава Лиги год уклонялся от такого варианта, тянул, спорил со всем Советом, накладывая вето на его решения. И вот – приговорил! Момент, видите ли, подходящий. Но почему он отстранил его, мастера? Кто лучше Лерга знает, как заставить нечеловечески проницательную Детку принять яд? Кому еще она так доверяет? Да они к ней и подойти не смогут!

И тут зазвенел тревожный звоночек в том местечке его сознания, где он поселил внимание к мыслям заключенной ведьмы: с девочкой что-то происходило. Крик. Ужас. Отчаянье. В мозг толкалось алыми вспышками, хрипело: *«Кровь! Кровь!»* Неужели приговор так быстро исполнен? Нет, не может быть. Тварь! Явилась!

И над Оргеймской Пустошью взревели сигнальные трубы.

В крови было всё: и пол, и стены, и девочка с головы до ног, сидящая в темной луже.

Детка уже расчленила воспитательницу и с упоением пожирала какую-то сочащуюся кровью часть. Увидев ворвавшихся, она зарычала утробно, но, сквозь сытый туман экстаза узнав Лерга, вскочила, захлопала в окровавленные ладоши, и с чавкающим криком – «Лерррг! Конфетка! Вос-питательница! На!» – вырвала из внутренностей ошметок плоти и кинула ему. В лицо шмякнулось, залепив глаза кровью. Он машинально подхватил, еще не вполне осознавая, что. Сердце. Она поделилась лучшим…

Сила в ее детском тельце оказалась небывалая. Лютая, монстрья. Пока ее убивали, она разодрала горло одному нападавшему, сломала и вывихнула несколько рук, проломила кому-то череп. Детский голосок то рычал, то звенел испуганно, недоуменно:

– За что? Пустите! Что я вам сделала? Мама! Помоги! Мамочка! Лерг! Помоги!!!

И Лерг помог. О, как он помог! Он выхватил рандр, крикнул предупредительно, чтобы отпрянули товарищи, и сжег ребенка на месте. Ее тельце вспыхнуло, девочка покатилась огненным клубочком, истошно визжа:

– Лерг! Почему?! Ле-е-е…

В момент умирания рухнул ее щит, и, пока длилась агония, мастер умирал вместе с ней от боли и ужаса, не в силах заслониться от хлещущего в его душу потока умирающего сознания, иссякающего как кровь, пульсирующими толчками выплескивающего образы и воспоминания, – умирал, и не смог умереть.

Из этих мгновенных пульсаций прожитого только первые и последние оказались человеческими. Остальные не могли восприниматься и ощущались как волны невозможной, нечеловеческой жути.

*** * ***

Дул холодный пронизывающий ветер, под ногами скрипел снег.

– Мама, мамочка, мне холодно! – лепетала кроха, семеня рядом с изможденной, одетой в лохмотья женщиной. Та подхватила ее красной замерзшей рукой, прижала и потащила дальше, качаясь от изнеможения. За ее спину была закинута пустая деревянная бадейка, колотившая по позвоночнику с каждым шагом все больнее.

Деревенька осталась далеко позади. И лютый голод. Более лютый, чем этот мороз. Такой безнадежный звериный голод, что люди стали пропадать почти в каждом доме.

Она шла по льду реки. Снег налип на зареванные щечки девочки, заледенел на ресницах. Щеки и ресницы женщины тоже заледенели, но она и не думала поворачивать обратно.

– Мамочка, – губы девочки онемели и едва шевелились. – Домой. К братикам.

Она вспомнила их лица. «Братики» были куда больше этой крохи, двое старших – уже с бородками, и почему-то перестали любить ее в последнее время. Но даже их голодная злоба была не так страшна, как этот холод.

– Сейчас, моя хорошая, скоро! – Женщина крепко прижала ее к груди.

Она плакала. Волосы выбились из-под убогого платка и сосульками царапали щеки. Глаза были безумны. Подойдя к проруби, она долго обнимала и ледяными губами целовала девочку, бормоча:

– Доченька моя, прости меня! Там нам будет тепло и всегда сыто! Ты никогда больше не будешь голодать! Никогда! Они тебя не убьют! Они не смогут тебя съесть, любимая моя! Обещаю!

И бережно опустила ее в воду как в купель.

– Мама! – взвизгнула девочка. И захлебнулась. Река нехотя затягивала ее под лед, страшный холод убивал медленно. Глаза еще видели, как женщина, сняв платок и распустив каштановые с проседью волосы, ступила за ней в прорубь вместе с бадейкой, привязанной к спине, как бадейка вдруг странно разрослась, словно за спиной женщины выросли крылья. И эти крылья обхватили ее маму и мгновенно поглотили, так и не дав ей уйти под воду, а потом протянулись к девочке как ладони, и ей сразу стало тепло…

*** * ***

… Ей было тепло, и в животе не урчало. Она была сыта. Ей было блаженно тепло. Она открыла глаза. Женщина у очага помешивала что-то в котле и напевала незнакомо, гортанно. Каштановые с проседью волосы были забраны в две косы. Мама уложила их красивой короной, как обычно.

– Мама! – позвала девочка.

Женщина оглянулась. Мамины глаза глянули ласково, и мамин голос был так же ласков и заботлив, как раньше:

– Проснулась, деточка! Как ты?

– Хорошо. Тепло. Там еда? Откуда? – удивленно принюхалась девочка к дразнящему вкусному запаху. Всю длинную-длинную зиму в этом котле было нечего варить.

– Братья твои оставили, и ушли… – нежно улыбнулась матушка. – Все ушли, детка моя. Никого больше не осталось. Скоро и мы уйдем. Далеко-далеко, к морю. Там красиво. Тебе понравится. А теперь надо выпить вкусный отварчик.

Она поднесла ей чашу с тошнотворным настоем, и заставила выпить. Девочка была такая крошка, что даже не заплакала от страшного открытия. Эта мама была очень-очень похожа на прежнюю маму. Невероятно похожа. Но это была не мама. У нее не было красных, потрескавшихся от стирки рук. Ее ладони были гладкие, тугие, совсем без морщинок. Совсем.

*** * ***

Маленькая ведьма вздохнула в спину Лерга. Так хотелось еще что-нибудь спросить у этого доброго великана! Она перевела взгляд на веселое, обрамленное легкомысленными кудряшками, лицо представленной девушки.

– Так ты моя … добровольная вос-питательница? – с интересом спросила Детка, протягивая ручку надзирательнице.

– О, да, – задорно улыбнулась Лека, взяв ее ладошку, – совершенно добровольная! Постараюсь воспитать тебя как следует!

– Ты такая красивая! И похожа на мамочку. Она тоже красивая и добрая, – заглянула ей в глаза Детка. – Я не буду тебя огорчать и постараюсь вос-питаться как следует. Если ты правда этого хочешь.

– Конечно, хочу! – воскликнула воспитательница.

– Да, я вижу, что ты искренне хочешь, – погрустнела девочка, на ее глаза навернулись слезы. – Наверное, так надо. Но я не очень хочу. И даже очень не хочу.

Лека присела перед ней на корточки, вытерла с пухлой щечки покатившуюся слезку:

– Ну что ты, милая, что ты! Не плачь. Конечно, так надо. И Лерг этого хочет, и я этого хочу! Так что, ты постарайся нас не огорчать.

– Но мне тебя жалко! Я не ожидала, что ты будешь такая чудесная! Как ты могла согласиться стать моей … вос-питательницей?!

– Ну, я сама к тебе захотела! – утешала ее девушка. – Никто не уговаривал. Это я уговаривала, чтобы мне позволили.

Детка горько вздохнула:

– Значит, ты самая, что ни на есть, добровольная жертва…

– Ну да, – соглашаясь, рассмеялась Лека, встряхнула кудряшками и легонько щелкнула девочку по веснушчатому носу. – Самая что ни на есть! Не вешай нос!

– Я правда не хочу. Но, раз такова твоя воля, я принимаю тебя.

И запела. Незнакомые слова перекатывались как морской прибой. Голос звучал как рокот и вместе с тем странно убаюкивающе. И, пока она пела, голова Леки клонилась … склонилась … уткнулась ей в маленькие коленки …

Детка материнским жестом погладила ее пушистый затылок, поцеловала … и одним рывком свернула девушке шею. И закричала, отчаянно воздев зеленый пламень глаз к невидимым сквозь камень небесам.

*** * ***

Лерг ушел из Лиги и Оргеймской Пустоши сразу, как очнулся. Подал прошение об отставке, и Глава принял ее. О чем они говорили, Владыка не сообщил никому.

Глава и два советника Лиги заседали, трехглавым змеем глядя в разные стороны. Присутствовал бы еще мастер Лерг, смотрел бы в четвертую. Но он в четвертую просто брел, смутно помня, куда и зачем.

– Напрасно мы его отпустили. Никто не винил мастера. И его заслуги велики перед Лигой, – высказался, наконец, сидевший по правую руку телепат Ресс.

Он нервно теребил черную бороду, чуть не рвал с досады: мало того, что Владыка и не думал рассказывать о содержании разговора с Лергом, так еще и замкнулся для мысленной беседы. Впрочем, здесь натх прикрылся этикетом: советник Дмитерас – провидец, но не телепат. Но Ресс чувствовал – не только в этом причина. Задумал что-то белоголовый.

Владыка сумрачно глянул, изрек:

– Лига – не галера, и адепты – не рабы, прикованные к веслам. Каждый свободен в служении.

– Тварь так и не пришла за Деткой, – напомнил телепат. **– Ловушка захлопнулась, а толку… Только ловцы пострадали.**

– Значит, не крепка была ловушка для такого зверя. – ответил белоголовый. – Мы же попытались спрогнозировать ее поведение… Понять логику. Нашей, человеческой – нечеловеческую. Стоит ли удивляться? Все наши ловушки слишком человечны для Твари.

– Да, – согласился провидц Дмитерас. – Если бы мы сумели ее предсказать, предвидеть – она бы никуда не делась. Но там – полная неопределенность. Тьма. Словно мы пытаемся увидеть в Бытии Небытие.

– К тому же, она приходила накануне.

Оба собеседника удивленно вскинули брови. Глава уронил коротко:

– Снег.

– Но ты же говорил, что…

– Говорил. И сейчас скажу то же: никаких явных следов, никакого нападения. Разве она напала? Нет. Она оставила ощущение. Всего и только ощущение, что это была она. Насмешку. Запах. И это невесть что я должен был сообщить Совету? С каких это пор мы доверяли ощущениям, – скажет Совет. И будет прав.

– Но – снег?! Запах?! – Дмитерас смотрел на него как на спятившего параноика.

– Фантомы. Не сама Тварь. Как лучи, отраженные от зеркала – не само солнце…

– Хорош лучик, – процедил Ресс. – Скорее уж, запах крови! И напала не Тварь, а Детка. Мыслимо ли: такая крошка – и такая кровожадность!

Белоголовый пожал плечами:

– Она не жаждала крови, а выполняла свой долг. Как его понимала. Когда волчица режет овцу и тащит волчатам, она тоже выполняет долг.

– Но, в отличие от волков, детка была разумна! – возразил Ресс.

– Это видимость. Она выглядела как человек. Человеческий детеныш, воспитывающийся у волков, тоже мог быть разумным. А вырастает волк.

– Видимость… – горько прошептал Дмитерас. – Все мы – видимость человека. Тебе не понять нас. Ты – проявленный.

– Когда-то и я был непроявлнным, – белоголовый поднялся, подошел к окну. – Таким же человеком, как все люди Вавилора.

Это он-то, снежноволосый, холоднокровный, словно текла в нем кровь, древней исчезнувших Крылатых? Только те огнем дышали, а этот – холодом. Ресс возмутился:

– Ты никогда не был человеком, натх. Что тебе до людей, если ты живешь лишь затем, чтобы поймать Тварь?

Еще один телпат-бунтовщик. Что за день такой сегодня? Белоголовый резко повернулся. Встретил неприязненные взгляды карих глаз южанина Дмитераса и зеленых – степняка Ресса. Увидел потаенную тоску дремлющих в человеческом теле эльфа и оборотня. Непроявлнные ждали в небытии. Жаждали яви… Что за день. Что, вообще, за планета!

Двойное имя она имела – Вавилор, или Вавилорский Колодец. С двойным дном Колодец. Ибо жили в этом мире разумные люди, мало чем отличающиеся внешне, но в людях жили непроявленные сущности других рас от гнома до тролля, и каждый мог измениться вдруг, во мгновение ока.

Лечь спать человеком, проснуться вампиром и перерезать семью и соседей. Зайти в гости, а за столом очнуться великаном, и раздавить всех, кому не повезло оказаться рядом. Поцеловать на ночь детей и задушить, потому что вылезла в явь упыриха…

И каждый человек боялся другого такого же, который мог в мгновнье стать не таким, боялся, как лютую неведомую тварь. Каждый хотел убить первым, если проснется спящий… успеть, пока он спит…

Вавилорский Колодец был наполнен кровью.

Может, потому стали не редкостью зачатки телепатии и дар предчувствия? Робкие ростки, взращенные Лигой. Пифии и провидцы, видевшие скрытое, могли предупредить тех, кто хотел услышать.

И как-то сама собой очистилась вода Вавилорского Колодца от крови. Да и реже год от года изменялись люди в нелюдей. Все глубже засыпали истинные сущности. Пока не стало так, что никто из непроявленных не мог освободиться иначе, чем в Храмах Истины. И перестала литься кровь.

И все забыли о том, как боялся человек нелюдя в подобном себе.

То ли Владыка неощутимо напомнил советникам о том, что было, но Ресс и Дмитерас отвели гневные взгляды, спохватились – не Тварь ли повлияла на них так, что себя забыли?

Впечатлительный провидец, с головой ушедший в видения прошлого, вынырнул белей головы Владыки. Да, погибал мир Вавилора. Тут не поспоришь. Но невыносимо осознавать, что в тебе никогда не проявится дремлющая эльфийская сущность. Никогда, пока жива на Вавилоре горстка проявленных эльфов. Да и после ухода кого-нибудь из них истинная суть проснется в человеке, только если на него упадет жребий Судьбы, и какая-нибудь жрица Истины укажет пальцем и скажет – «Тебе – быть!» И белоголовый Владыка подтвердит инициацию словом Воли.

«Стань!» – сколько раз Диметрасу снился этот приказ! Сколько раз он просыпался от счастья и тут же умирал от горя, видя по-прежнему человеческое тело. Лучше бы ему не знать никогда свою скрытую сущность. Он помнил жрицу Истины Асарии, ее сочувственную улыбку и приговор: «Не выпустит тебя вода Вавилорского Колодца. Никогда не проснуться эльфу».

Все они – вода. Безликая, безвкусная, стоячая. Все они – люди.

– Разве плохо быть человеком, Дмитерас? – даже голос владыки заскрипел, как льдина.

Провидец поежился. Но ответил с достоинством:

– Спроси у гусеницы, плохо ли быть мотыльком. Или спроси у дерева, плохо ли быть поленом – ведь дрова уже не прорастут. Все мы хотим быть собой, Владыка, – признался Дмитерас, зная, что бессмысленно скрывать от натха сокровенные помыслы. – Все. Даже, наверное, тролли.

– Так-то оно так, но вот я не тороплюсь, – широко улыбнулся Ресс. – Что хорошего в собачьей жизни оборотней? Сплошные блохи!

Владыка вдруг напрягся, тронул двуцветный перстень. Вскинул глаза:

– Мне пора. Похоже, Тварь заглотила наживку.

– Какую? – воскликнули собеседники.

– Мы ее проводили сегодня из Пустоши.

* * *

Лерг брел по лесу, спотыкаясь, а сочная зелень детских глаз мерещилась ему в каждом листке, в каждой травинке. И никто не мог ответить на единственный вопрос: почему опустошенное, выжженное дотла сердце – тяжче каменной горы?

Что-то внезапно остановило его, как будто ветка зацепилась за лямку котомки. Мастер скорее почуял, нежели услышал невнятный шепот. Легкий, пушистый, как одуванчик, смех словно погладил щеку: «Хочешь, я научу тебя выдувать красивые мыльные пузыри?» Он вытер слезы, но мир не обрел ясности и простоты. В глазах плыл белесый туман. Или снежное облако? Или его собственная душа?

Он шел, а за спиной желтели и осыпались листья, закрывая его следы.

Часть первая
Наследница

1.

Храм Истины Гарса.

Перед глазами вспыхнуло сияющее пятно, постепенно приобретавшее форму диска. Вокруг задумчиво нарисовались каменные стены, покрытые вместо гобеленов пятнами копоти. В центре золотого диска проступил рельеф: змея, обвившая человеческую фигурку до колен. Фигурка предполагалась девичья, но вместо головы у нее раздувался капюшон кобры.

Опять карцер! Только здесь, в подземелье храма Истины, и висела эта издевка – напоминание провинившимся пифиям о сущности проклятого дара, подкрепленное надписью на диске: «Всякому пророчеству свое время и место». Никого из храмовых пифий не миновал этот укус кобры, а уж я, Верховная жрица, не раз в месяц получала порцию яда.

За что я опять здесь? Мне еще помнилось начало моей речи в Час Оракула. Правитель присутствовал лично. Позевывал, полускрытый в своей ложе, рядом скучала новая фаворитка. Все, как обычно – предсказание погоды, сводки с полей и огородов, покушения, ограбления. А вот потом… Фаворитка, поймав мой взгляд, замерла, неотрывно глядя мне в лицо. Хотела ли она спросить, или это я ждала ее вопроса? Взгляд в глаза через полумрак храмины – как натянутая жила, опущенная в морскую пучину. И на том конце – ворочалось нечто гигантское, как пойманный кит. Губы фаворитки, чуть подкрашенные кармином, шевельнулись: «Кто я, жрица?»

И вот тут-то меня накрыло – утащило в пучину с головой. В багровое от крови море, в рваные, как паруса в шторм, крылья… сотни крыльев и рев, как от тысячи труб. Сотни смертей, которыми я умирала, пылали, как утонувшее солнце. И гиганское нечто медленно всплывало из глубин, чтобы стать явью. Другая жизнь рвалась, выдиралась из небытия.

Я не успела вдохнуть эту явь и выдохнуть имя сущности – в мозг ударила гигантская волна, оборвала видение, смяла на полумысли – *«Тебе быть, вампир!»* – скрутила, швырнула… в каземат, где я очнулась на каменном берегу жесткого ложа. И во мне все еще кричала чужая смерть – сколько людей, столько смертей, и каждая – как своя.

Кто еще столько раз умирал? И за что мне это?

Свернувшись калачиком на ложе, я колупала стену, словно могла стать тараканом и выползти в трещину меж камней. Пусть не тараканом… Но ведь могла же выбраться! Дар пифии – не только проклятие. Но и свобода, если не в пространстве, то хотя бы во времени.

Я сжала подвеску ожерелья – кристалл с мерцающей в глубине россыпью бирюзовых искр. Камень, подаренный мне матерью на прощание, был моим якорем в настоящей действительности. Иначе разум может вечно блуждать из видения в видение, и я утрачу свое настоящее навсегда. В насущном мире эта потеря никак не отразится, просто одной сумасшедшей станет больше. И только пифия сможет заметить, как мерцает тело такого несчастного, потерянного в ином времени. Оправу кристалла я меняла ежегодно, и ныне это была голова *дракона*.

До утра еще далеко. Столько же, сколько до свободы.

Пока проснутся служители храма, пока обо мне вспомнят и выпустят… Самое время побродить по другим временам. Встретить и заново пережить что-нибудь светлое и доброе.

Дракон в ожерелье потеплел, шевельнулся. И я услышала раздраженное: *«Это у тебя-то светлое и доброе? Замучаешься припоминать».*

– Ошибаешься, дракошка.

Разговорчивая оправа ответствовала: *«Еще раз обзовешь, ни одной лапы не подам – выбираться из ямы будешь сама!»*

– Все равно неправда. А Дик?

«Не смеши мои челюсти! Где у тебя самые неприятности, там и твой дружок детства».

Я лихорадочно подыскивала что-нибудь с Диком, но без неприятностей. Не получалось. Начиная с момента, подружившего нас: с того, как мне довелось спасти маленького помощника конюха от порки (будучи еше меньше), после чего меня чуть не утопили селяне, но я неведомо как не утонула (*«Из вредности»,* — подсказал дракошка).

Даже две попытки совместного бегства – со звездами, кострами и ночной жутью, холодившей взглядом в спину – на охоту за мифическими драконами или проявленными вампирами закончились наутро пожарищем на месте покинутого дома и ревом искавшей меня всю ночь кормилицы Дори, считавшейся моей матерью. Наша покровительница– хозяйка замка Аболан – селила погорельцев в очередную лачугу, пока не пришла Лига и не увезла меня из княжества Ирд в далекую Асарию, определив в Гарсийскую школу и разлучив с Диком лет на десять, если не считать двух случайных встреч. Одна из них снова подарила мне друга.

Я сжала кристалл и, раз уж ничего совсем доброго и светлого в моей семнадцатилетней жизни не нашлось, то, не вставая с ложа в каземате Гарсийского храма Истины, отправилась в давнопрошедшее, еще раз встретиться с Диком в королевстве Рагор. Благо, пифиям не возбраняется разгуливать по всем временам, даже там, где еще не ступала нога человека. И я ускользнула в прошлое по собственным стопам, ступая след в след…

Столица королевства Рагор, два года назад.

В обширное, раскинувшееся от гор до побережья западного моря, королевство Рагор прорицатели Лиги были приглашены на коронацию наследника почившего короля Бредмахта Первого. Мне едва исполнилось пятнадцать, я еще не закончила школу пифий, и до прорицаний меня никто допускать не собирался. Но сердцу не прикажешь, и при всем честном народе, ожидавшего в праздничных одеяниях раздачи милостыни и угощений, я наломала таких дров, впала в такие кровавые натуралистические подробности грядущего царствования, что ошеломленный Верховный Жрец дрогнул и отказался возложить корону на будущего маньяка.

Когда претендент на корону и наследник трона Бредмахт Второй в гневе попытался выхватить сей головной убор из рук тут же побитого им ослушника, восстала враждующая с троном местная оппозиция – аристократия, в кои-то веки нашедшая поддержку народа. После этого в Рагоре и разыгралась напророченная кровавая драма, а злейший враг Лиги – Орден Бужды – получил прекрасный пример для иллюстрации тезиса о демоническом характере пифического дара.

Дело кончилось революцией, избиением аристорократии вне зависимости от политической ориентации и установлением народной демократии, которая не продержалась и месяца. Все-таки на дворе был только тысяча первый год от Пробуждения Бужды.

Мой опекун Альерг успел утащить меня с места действия, из торжественного превратившегося в кровавое, и спрятать в доме банкира, тоже телепата. Я, не выпуская из ладони ожерелье с прозрачным камнем в панцире черепахи, и там успела напророчить.

Через час после нашего появления опустошенный дом оторопело хлопал под ветром никчемными ставнями – бежали и хозяева, и слуги. Опекун, ругаясь на чем свет стоит, переткнул меня в какую-то нищую хибару неподалеку, оставил замаливать грехи в одиночестве, а сам убежал в бунтующий город.

Тогда и я сбежала через окно. Мне внезапно показалось, что настала пора взглянуть на край света – хватит с меня пророчеств на всю оставшуюся жизнь. Ее оставалось не так и много, – несколько перекрестков, и меня сначала чуть не смяла толпа, запрудившая узкую улочку, затем королевская конница, врубившаяся в толпу как мясник в бычка.

Горожане отхлынули, но путь к отступлению толпы перегородил второй отряд всадников. Это была наемная карательная сотня головорезов, закутанных с ног до головы в одеяния цвета осенней травы. Никогда не известно, чьей стороной они окажутся купленными, и на какой срок, и для какой задачи. Быстро выяснилось что эти работали в одной команде с гвардейцами.

В шумихе кто-то сдернул с меня ожерелье с драгоценной черепашкой и слился с толпой. Я отчаянно заметалась в поисках похитителя, совсем забыв, что следом за кристаллом могу лишиться и жизни. И вдруг укололась о пристальный взгляд всадника из карательного отряда. На закутанном лице плескались только голубые озерки глаз. Он вырвался вперед и, выхватив из толпы какого-то оборванца, обшарил его быстрым движением и отбросил, как соломенную куклу. Тот еще неловко сполз под ноги толпы, а всадник снова вперил мне в лицо обжигающие ледяным холодом глаза. Этот взгляд стервятника мне очень не понравился.

Оглянувшись в поисках хоть какого-то укрытия, я заметила, как два крепыша отделились от толпы, переглянулись, и, тихо пятясь, нырнули в замызганную подворотню. Я поспешила за ними. Но только собралась шагнуть в душную темноту, только вдохнула страшный запах непредвиденности, как меня рывком поднял нагнавший всадник и кинул перед собой, словно мешок.

Он и вывез меня из этого кошмара, и не куда-нибудь, а почти к дверям покинутой хибарки. О недавно прокатившемся здесь шквале красноречиво напоминали лужи крови на мостовой, разбитые стекла, зияющие двери. У хибарки тоже была выломана дверь и болталась на одной петле. Теперь на улочке было спокойно и пусто … если не считать с десяток неприбранных трупов.

Наемник спешился. Я улучила момент и, рискуя грохнуться с конского хребта, зацепила и сдернула с его лица повязку. К знакомым глазам под длинными ресницами добавились остальные, более изменившиеся черты дружка детства. Так и есть! Дик! Во всей своей осьмнадцатилетней красе.

Я не видела его вечность. С тех пор, как уехала под конвоем опекуна Альерга из деревни, где меня пытались то утопить, то сжечь вместе с домом кормилицы. Десять лет прошло. Но, если бы я не узнала Дика, я была бы уже не Радона Гарсийская!

– Дик!

И осеклась. В Дике появилась странность – он стал походить на слугу Бужды: словно пустота зияла там, где раньше сияло солнце. И разительно отличался от других пробужденных. Как будто в пустоте дышала стреноженная, невероятная мощь всей Вселенной. Я почувствовала себя так, словно стояла на краю скалы над бездной, в которой бушевал незримый океан.

Разоблаченный неприязненно прищурился. Снял меня с коня и вознамерился было без лишних слов вскочить на разгруженного жеребца, и привычно сбежать, но я вцепилась в него изо всех сил:

– Дик! Ты куда? Это же я, Рона! Косичка!

Он скривился и сердито проворчал:

– С косичкой она… Отдай руку, она мне еще пригодится! – и процедил еще сердитее. – Я тебе ее еще не предложил. Вот и вытаскивай этих цепких девиц из подворотен!

Вспыхнув, я отпустила злополучную руку.

– Да пожалуйста! Хотя нашим целителям она пригодилась бы. Они бы из нее протез сделали. Ты откуда взялся?

– Оттуда. От Его некоронованного величества.

Действительно, он был при королевских нашивках. Кроме того, был в крови и ссадинах. И в гневе тоже был. Разумеется, Дик изменился почти до неузнаваемости. Но остались те же ангельские, несколько встрепанные золотистые вихры, остались те же небесные, опять грозово насупленные глаза, и те же потаенные смешинки в них: не взирая на обстоятельства, он наслаждался произведенным эффектом. Но ни малейшего восторга по поводу встречи не испытывал.

Окинув меня быстрым взглядом с ног до головы, Дик равнодушно принялся заколачивать гвоздики вопросиков:

– В порту Олла, помнится, ты шустро под столами ползала, а здесь столбняк хватил? Ждала, когда тебя покрошат как капусту? И что тебе в той подворотне понадобилось, да еще в такой подходящий момент? Там же притон! Или это твой родной дом? Отвезти тебя обратно? Или спутника подождать? Ты же не одна здесь?

– Одна!

– Врешь! К тому же, в Рагоре девушка недолго пробудет в одиночестве. До первой подворотни.

– Это я уже поняла, – красноречиво взглянула я в небесные глаза, но тут же в смущении отвела взгляд, обнаружив, что щеки Дика тоже слегка порозовели.

– Ах, да, чуть не забыл! – спохватился он, сминая неловкую паузу. – Забери свою пропажу.

Он вытащил из кармана ожерелье, и перед глазами укоризненно закачала золотой головой черепашка. Бирюзовые танцующие звезды ярко полыхали, меняя очертания загадочного созвездия при каждом повороте камня в ее панцире. Я побледнела: так вот из-за какой горстки золота был растоптан толпой тот бедолага!

– Спасибо, Дик.

Он поморщился:

– В качестве благодарности спрячь эту вещицу подальше. Не надо искушать людей. А что за камень редкостный?

– Не знаю. Мне его мама подарила.

– Тебе кто-нибудь говорил, что твои глаза в точности такого же странного цвета, как звезды в этом камне? Ну, все у тебя, не как у людей! Даже звезды!

– Никто не говорил. Кроме меня, только ты смог разглядеть в камне звезды, – изумилась я и снова, не выдержав повисшей смущенной паузы, отвела глаза. – Мама предупреждала, что мало кто может их увидеть.

И сразу с тоской узрела вынырнувшую всего в квартале от нас внушительную фигуру опекуна с группой поддержки. Побег не удался. Дик оглянулся, проследив мой затравленный взгляд, и улыбнулся облегченно:

– За тобой? Ну вот, я же говорил, что врешь! Судя по всему, это твой опекун.

Я обреченно кивнула: опять тюрьма, опека, телепат…

– Ну, тогда я пошел, – продолжал радоваться розовощекий предатель.

– Дик! Не отставляй меня с ними! Я больше не могу! – не выдержала я, почти заплакав. – И они меня убьют за сегодняшнее.

– Так я и думал, что без тебя эта заваруха не обошлась! – Дик еще гуще покраснел от негодования. – Как услышал про пифию-белоснежку, сразу понял – ты! Больше некому такое в один час устроить. В Ариме тоже ты была? И в Борунии?

Я кивнула с обреченным видом пойманной за хвост мыши.

В столице Борунии мы с опекуном задержались всего на час. Но успели перейти дорогу истории. В результате вдовствующая королева вышла замуж не за того, с кем в тот момент уже шла к венцу, а за лицо до тех пор почти не известное на политическом горизонте этой страны. Смена блюд произошла за пять шагов до алтаря. Отвергнутый воздыхатель немедленно напал на возлюбленную в припадке мщения за бесчестье, но был бесславно разбит. Радикулитом. Войско его месяц спустя тоже потерпело поражение от новообретенного короля, который после этой победы вспыхнул ослепительной воинственной звездой и затмил уже все соседние мелкие государства, подчиняя их одно за другим. Пока Боруния из благодарного расчета была лояльна к Лиге, последнюю не очень беспокоили возраставшие аппетиты рождавшейся империи. Тем паче, сам император-телепат был членом Совета Лиги.

В маленьком Ариме узурпатор год назад захотел в успокоение подданных получить от оракула прогноз на благополучно-изобильное царствование, но мы с опекуном как раз случайно мимо проезжали. Местный оракул был уличен во взяточничестве и дисквалифицирован властью Лиги, а искавший истины правитель заполучил прилюдно правду-матку о преступлении братоубийства. Подданные съели узурпатора, не поперхнувшись, поскольку судебная практика была такая у того народа: чуть что – в котел, а не в костер. Потому и преступность была там необычайно низкая: никто не хотел преждевременно попадать в суп и своими костями кормить собак. На трон возвели малолетнего сына законного правителя, погибшего от злодейской узурпаторской руки. И, разумеется, большинство лиц опекунского совета когда-то были дипломированы в школах Лиги.

– Вот-вот! – Дик прекрасно понял мое смущение. – В Ариме я потерял щедрого работодателя. Скоро оставишь нас совсем без работы. Упаси меня Бог от пророчиц! – Возмущенный наемник вскочил на коня и спросил непоследовательно. – Скажи, пифия, когда в следующий раз мне придется вытаскивать тебя из очередной подворотни? Заранее приготовлюсь.

Альерг неуклонно приближался. Я покачала головой:

– Пифии не провидят собственного будущего. И можешь себя не утруждать в следующий раз. Как-нибудь обойдусь.

– Договорились! Только … береги себя, хорошо?

А вот это уж как получится, – молча пожала я плечами, отворачиваясь в досаде. Тут он и окликнул меня так, словно всегда сидел, привольно развалившись внутри моей головы: «Рона! Слышишь меня?» Даже у Альерга такого не получалось, хотя он несколько раз пытался пробиться: я была глуха. Но не абсолютно, как выяснилось.

Я открыла рот, ошеломленно воззрившись на Дика, но он заговорщически подмигнул. И я снова услышала: «Если ты не против, мы могли бы так иногда разговаривать. Только разговаривать, остальные твои мысли, которые не для меня, я слышать не могу». О нет, только не это, – в отчаянье подумала я. Хватит с меня телепатов! Вот, еще один уже подошел, весь полыхая праведным гневом!

– Добрый день, Мастер, – поклонился ему Дик. – Давненько не виделись. Последний раз в порту Олла вы неважно выглядели. Рад, что вы все еще живы. Ну, мне пора!

Хлестнул коня и пустился во весь опор. «Подумай, Косичка! Когда решишься, только позови, я услышу!»

Мастер недоуменно похлопал на его спину глазами, но спина стремительно исчезла, не подарив ему, по всей видимости, ни пылинки, и опекун тут же, не омыв рук, выпотрошил в отместку все мои мысли. Попытка удачного мысленного контакта с чужаком привела его в шок, и он взял с меня слово не вступать с Диком в разговоры, пока Лига не выяснит, что за фрукт из него вырос.

Из той кровавой мясорубки Лига едва успела вывезти и спрятать своих людей. Народ, вырезав аристократию, принялся пожирать самого себя. Некоронованный король Бредмахт Второй, возвращая непокорное королевство, под предлогом восстановления исторической справедливости обезглавил полстраны. В оставшейся половине искоренили пифий вместе с гадалками и запретили не только школы Лиги, но прогнозы погоды и все народные приметы.

За мою голову в первый же час бунта была объявлена немаленькая награда. И нас с Альергом преследовали до самых гор Эльви: не узнать нас трудно, очень уж приметной была фигура опекуна.

В облаве участвовало почти все население предгорного городка Эльвидек. Нас притащили к городской крепости. С меня сняли мешок, явив народу особые приметы преступницы: цвет волос и глаз. Мое ожерелье опять исчезло в чьем-то кармане. Личность Альерга, обмотанного сетями и цепями, удостоверяли его уникальные габариты, и никто не рискнул лишний раз приблизиться к гиганту и распаковать перед поспешным судом его великанью голову.

Дик со своей сотней добрался до городка в тот момент, когда начальник гарнизона отдавал приказ возводить костры для экзекуции. Наемник равнодушно скользнул глазами по пленным, предъявил правителю какие-то бумаги для изучения. Правитель обрадовался, сняв с себя судейство и обязанность выплачивать награду из городской казны, и махнул рукой, отдавая пленников в распоряжение королевским головорезам.

С Дика горожане и потребовали вознаграждения за пойманных. Он тут же выплатил награду, тряхнул правителя и добавил из его кладовых несколько бочек вина для празднества, и вот уже ликующий город носил всю его сотню на руках, не смотря на то, что сотник не поддался на алчные требования сжечь ведьму немедленно в качестве иллюминации, заявив, что Бредмахт Второй жаждет совершить сей акт правосудия самолично.

Городок вместе с гарнизоном той ночью был пьян поголовно, отмечая победу над великаном и ведьмой. Сказание об этом великом подвиге стало впоследствии жемчужиной в сагах рагорцев.

Дик уже в вечерней темноте открыл дверь моей тюрьмы и встал в дверях, скрестив руки, скептически оглядел меня с ног до головы: как такая тщедушная особа могла причинить столько несчастий? Я с высоты своих пятнадцати лет тоже попыталась оглядеть уже почищенного от дорожной грязи верзилу. Он хмыкнул на мою надменность:

– Ну, Рона, тебе опять повезло. Но в следующий раз меня может рядом не оказаться.

– А ты не вмешивайся!

– Да это пока не очень обременительно для меня. К тому же, я дал слово твоей матери присматривать за тобой по мере необходимости.

– Ага, и потому исчез на десять лет! Я не видела ее с тех пор, – осторожно сказала я, не зная, которую он имеет в виду – настоящую или приемную.

– Странно, что ты не спрашиваешь, как я догадался, – заметил Дик, внимательно наблюдая из-под длинных ресниц.

– О чем? – вопрос прозвучал как можно невиннее.

– А я думал, мы с тобой были друзьями, – занозил он меня упреком. – Так леди Аболан в самом деле твоя настоящая мать? Или я не той женщине дал слово?

– Вроде как рожала меня именно она, – вынуждена была я признаться. – А как ты догадался?

– Случайно увидел, как она на тебя смотрела. Так беззаветно смотрят только матери на любимых детей, когда дети их не видят. Это из-за нее я познакомился с тобой. Она была той, которая спасла меня, когда умерла моя мать. Вытащила полумертвого из выгребной ямы.

Он покосился на мою ошеломленную физиономию, усмехнулся.

– Ты не знала? Ну, так знай, пифия. Разве мог нищий оборванец, приблудный помощник конюха рассказать такой, как ты, из какого дерьма вытащен на свет? Он хотел быть для тебя принцем, этот лопоухий глупец.

– Зачем ты так о себе, Дик… Мы же были друзьями.

Дик меня словно не слышал.

– Я разыскал эту вашу деревню и замок Аболан, чтобы ее увидеть. Я проклинал ее за подаренную жизнь, Рона. Я не просил, чтобы меня спасали! А когда увидел… Она смотрела на тебя издали, так, чтобы ее не заметили. Ты играла с кормилицей, которую все считали твоей матерью…

– Я так никогда не считала, Дик! Я же…

– Да, пифия, эту истину ты знала. И молчала. Ты же умная девочка. Но леди Аболан никто не называл мамой. А я… никого так не называл. Я понял, почему она, высокородная дама, полезла в дерьмо за дохлым чужим младенцем. Знаешь, почему я не переношу вашу проклятую Лигу?

Переход был таким внезапным, что я вздрогнула. Этот Дик совсем не походил на моего друга с золотистой, вечно лохматой, как подсолнух, головой. С душой, яркой, как солнце.

Синие глаза наемника словно вылиняли от ненависти.

– Потому, что самая достойная счастья женщина была самой несчастной. У нее не было семьи, не было дома, ее лишили ребенка и даже исконного имени. Она носит имя замка Аболан, как собака кличку. Ей не оставили ничего! Она – собственная безымянная тень. И тебя ждет то же самое, пифия Лиги.

– Но мама не была заточена! Она жила в родном доме! Была свободна!

– Как же мало ты знаешь о собственной матери, жрица Истины! Еще меньше ты знаешь о себе самой. Благодари за то свою Лигу.

– Дик! В чем я провинилась? За что ты на меня накинулся?!

Он прислушался к чему-то далекому.

– Городской караул сменился. Через полчаса вам можно будет бежать, – он помолчал, и ответил все же на вопрос. – Есть за что, но долго объяснять. Потом как-нибудь. А сейчас я просто зол. Терпеть не могу, когда люди плохо исполняют обязанности, а твой опекун поклялся госпоже Аболан защищать тебя ценой жизни, но вот уже трижды на моей памяти не выполнил долг. Все приходится делать самому. И – самое поразительное! – клятвооступник до сих пор жив!

– Ну, так предъяви претензии в соседнем каземате!

– Не могу! – Дик огорченно развел руками. – Твой хранитель спит, и проснется примерно через полчаса. Мне не надо было, чтобы он подслушавал. Впрочем, ты все равно обо всем доложишь. А не доложишь, так они сами без твоего ведома выведают. Так?

– Так.

А что тут скрывать? Любой, кто знает о телепатах не понаслышке, желал бы, чтобы эта ошибка природы не появлялась на свет. Даже если это Дик.

– Послушай, Косичка! – Он соизволил присесть на скамью и осторожно, словно я могла укусить, взял меня за руку. – В моих силах немного помочь тебе, если ты захочешь. Многого

не успеть, но будет достаточно, чтобы не вся твоя подноготная была вывешена на всеобщий телепатический обзор. Кстати, это защитит тебя и от меня, хотя я и не собираюсь тебя подслушивать.

– Почему ты никогда не говорил мне о таких способностях, слухач? – упрекнула я в свою очередь, тихонько отнимая ладонь: я тоже ему еще не отдала руки.

Он прищурился понимающе, ухмыльнулся и ответил уклончиво:

– Они проявились позже.

И я сразу засомневалась. После того, как меня чуть не утопили разъяренные селяне, Дик постоянно оказывался рядом в критический момент, которых у меня было по несколько на дню. Потому мы и оказались неразлучны. Не раз он напрашивался на ночлег, объясняя Дори, что приютивший его конюх ныне невменяем, а попросту дюже пьян. И те ночи были самыми беспокойными: обязательно что-либо загоралось – то крыша, то крыльцо, то все сразу в нескольких местах.

В школах Лиги развивали телепатические дарования, обучали и приемам защиты, но о том, что за каких-то полчаса показал мне Дик, я даже не слышала. И ужаснулась: неужели «пробужденные» настолько опередили Лигу? Он меня успокоил, уверив, что всем орденам Бужды эти хитрости и не снились, и вряд ли приснятся в ближайшем будущем. А откуда сам Дик поднабрался таких знаний, он мне не доложил, сказав только, что пифии было бы гораздо проще научиться, чем ему пришлось.

– Ну вот, Косичка, – сказал он весело, заканчивая стремительный урок, – лучше что-то, чем ничего. И лучше, чем ненадежный щит твоего наставника или всего вашего Совета в полном составе. Это будет только твоя личная защита, специально для пифии. Больше ни у кого в мире такой нет. Жаль, мало у нас было времени, вам уже пора в путь. Держи ключи и одежду. Сама выпустишь любимого опекуна. Видеть его не могу! Лошади у выхода. Вас сопроводят до границы, чтобы больше не было никаких недоразумений. Да, чуть не забыл! Ты в последнее время ничего не теряла, кроме совести?

Он вытащил из-за пазухи ожерелье, и перед глазами закачала укоризненной головой черепашка, обремененная кристаллом.

На пороге Дик обернулся и спросил лукаво:

– А ты не хотела бы сменить опекуна, Рона? Я бы подобрал тебе более подходящего. Любой из моей сотни лучше бы справился с его обязанностями. Стала бы дочерью полка…

И сам же подавил ехидный смешок. Я хотела вежливо сказать, что тут отец решает, но прикусила язык: о том, что мой отец жив, и кто он, мало кому надо было знать. И только негодующе фыркнула:

– Слыхали мы о таких дочках. А я думала, ты мне добра желаешь!

– Зачем сразу так плохо думать о нас? Никто бы даже в мыслях пальцем не тронул, клянусь! – горячо уверил он. – Ты плохо представляешь себе, что такое сотня, объединенная слухачами – единое существо с единой волей и разумом!

– Упаси Боже! – я ужаснулась всерьез. И, пока ошеломленно хлопала ресницами, пытаясь представить стократный телепатический кошмар, Дик исчез, как обычно, не попрощавшись. Ну что за невежа!

Гарс. Храм Истины. Настоящее.

Кристалл, зажатый в ладони, затрепыхался, *дракон* в ожерелье раззявил золотую пасть: *«Жрица, па-а-адьем! Да будет тебе известно: на дворе гарсийского храма Истины тысяча третий год от Пробуждения Бужды. Настоящее время – пять утра»*.

Факел догорел, но золотой диск с девой-полузмеей, висевший на стене карцера, стал чуть ярче – за крохотным оконцем под сводами занималось утро. Я потянулась на жестком

ложе, разминая онемевшее тело. Все-таки путешествие по времени не освобождает пифическую плоть от текущей действительности.

Два года мы с Диком не виделись. Но за это время я привыкла к его мысленному отклику чуть ли не по первому требованию. Единственное, что меня смущало, так это навязчивое подозрение: не страдаю ли я, вдобавок к зрительным, еще и стойкими слуховыми галлюцинациями. Как-то Дик, которого изрядно достали мои сомнения, предложил провести опыт: он мне называет свое местонахождение, а Лига находит там или его самого, или доказательства его там пребывания, и сомнениям конец.

Результаты опыта оказались невразумительными. Хозяйка постоялого двора на юге Асарии еще пересчитывала деньги, заплаченные только что съехавшим постояльцем, по описанию весьма похожего на моего блуждающего друга. Но не пойман – не Дик. На мои претензии о несоблюдении условий опыта, неуловимый Дик неизменно хихикал, оправдываясь, что никогда еще не развлекался с таким удовольствием.

Раз за разом натыкаясь на аналогичные случаи, Лига вошла в азарт. Поймать юношу стало для Альберга делом чести. И, подозреваю, станет делом жизни, если он доскребется до наших с Диком бесед на расстоянии. Стоит ли говорить, что урок, начатый в тюрьме Эльвидека, был продолжен втайне от опекуна. Все школы Лиги не научили бы меня столь многому – разве будет Лига учить защищаться от нее самое?

Почти ежедневная мысленная перекличка создавала иллюзию, что в колпаке, под которым держала меня Лига, появилась трещина. И я просачивалась в нее, как вода – туда, где был Дик.

Закрыв глаза, чтобы не видеть ненавистные стены карцера, я позвала друга: вдруг и он не спит в своем неведомом далеке.

«*Дик, ты слышишь?»*

Он откликнулся сразу, словно ждал: *«Всегда».*

«Дик! Я больше не хочу умирать…»

Сознания коснулся насмешливый голос: *«Боюсь тебя разочаровать, Радона, но ты еще не умирала по-настоящему. Тебе не с чем сравнивать».*

Голос прозвучал так явственно, словно мы сидели в одном карцере. Я вскочила с ложа, чуть не свихнув себе шею: низкий свод не позволял вытянуться во весь рост.

Дик аж зашипел, словно тоже получил шишку: *«Тихо, Рона! Еще проломишь нам головы! Ты что, опять в каземате? И когда казнь? Без меня не начинай! Я тут как раз неподалеку от Гарса проезжаю и тоже хочу поглазеть на зрелище».*

Неподалеку? Мы два года не виделись. Вечность! Мог бы и предупредить! Телепат, называется…

«Могла бы и заранее предвидеть, – фыркнул Дик. – Кто из нас пифия?»

Как будто не знает, что я поклялась никогда не касаться его судьбы. И не следить за его перемещениями…

«Рона, ты мне еще в Рагоре обещала, что врать не будешь!»

Ну… Вру. Поклялась, конечно. Да на вещий роток не накинешь платок. Только в мешок с головой. Или в карцер Храма Истины, отстойник для пророков.

Ни одна уважающая себя пифия не примирилась бы с такой непредсказуемостью, как судьба Дика. Тысячи раз я пыталась, и отступала: его жизнь оказалась непроницаемой. То ли тьма тьмущая, то ли свет слепящий – не понять. Невыносимая жгучая слепота. Каждый раз, когда я пыталась развернуть клубок его жизни, он превращался в зияющую пустоту, словно и не было на свете такого человека, как Дик.

Можно было коснуться друга только здесь и сейчас, если он позволял.

«Дик, а где ты сейчас?»

«Уже у стен города».

«Я тоже хочу свежим воздухом подышать!»

«Э-э… Ну, иди ко мне, пока тебя не казнили!»

И я почуяла, как, слегка пошатываясь от усталости, Дик идет по пыльной дороге к северной заставе. Увидела нежно окрашенное зарей небо над шпилями Гарса, пустынный тракт с щеточкой придорожного репейника. Наблюдала, как поднимается пыль под ногами, и как лениво преграждают путь двое стражников с сонными лицами – слишком рано, ворота Гарса еще закрыты.

Здесь и сейчас – только так я могла коснуться друга. И никогда – в будущем. И это неведение страшно раздражало… А если… Впасть в транс здесь и сейчас?

«Эй-эй, пифия! Куда? Пусти козу в огород…» – хохотнул Дик, почувствовав мои пророческие потуги.

«Дик, я нечаянно! Не буду больше. Честно!»

Стражники уже что-то спрашивали у Дика. К ним подходили еще двое.

«Слазь с телеги, говорю! Видишь, у меня тут еще гости. Скоро увидимся, Косичка!»

Легкое давление. И мир сразу опустел, сжался, зачерствел, оброс камнем, превратился в каземат Храма Истины, где я то ли отбывала наказание, то ли приходила в себя после вчерашнего пророчества.

В углу зашебуршала мышь. Скоро она умрет, и смерть ее будет серой и полосатой. Я отвела взгляд от грызуна, увлеченно копошащегося в миске: еще не хватало почуять, как будущие кошачьи когти раздирают брюшко, словно мое собственное, как вонзаются в хребет острые клыки…

Без разницы, чьей судьбе внимать: человека или мыши. Боль и ужас не делают различий. Наверное, поэтому мои волосы с детства белые, как у старухи.

Заскрежетал замок. Мышь юркнула в щель между камнями.

Дверь открылась, но тут же закупорилась пухлой пробкой: сам Правитель, бледный, как не выспавшаяся моль, пожаловал дослушать вчерашнее пророчество и высказать претензии, что я оставила его без фаворитки.

Я склонилась было в поклоне, но вдруг мое тело словно вспороло десятком клинков, разодрало жгучей болью. Ну, не могут у какого-то паршивого кота быть такие длинные когти! Или это не мышь умирает, а снова я?

– Ди-и-ик! – захрипела я, и сама же удивилась: «Почему – Дик?»

Правитель шарахнулся. Пытаясь удержаться на ногах, я вцепилась в его одежду, потянула на себя. Полузадушенный собственным плащом, толстяк рухнул.

Из Храма Истины меня выдворили без почестей. С напутствием из уст багрового от гнева толстяка:

– Чтоб я никогда больше не видел здесь эту ведьму! Неужели в Лиге пророчиц больше нет? Пусть пришлют другую! Она меня чуть не убила, олухи!

Тролль непроявленный! Ну, раз так…

– Чуть не убила?! Не огорчайся, Правитель. Уже скоро. Тебя съест за обедом твой собственный сервиз!

Он так и застыл с распахнутым зевом, но я уже мчалась в конюшню: толстяк с душой тролля мог и казнить на месте, без предупреждений.

Никто не мог препятствовать жрице служить Истине, но ссорить Лигу с правителем Гарса из-за моей особы не входило в мои планы, и больше ничего не оставалось, как отправиться через весь город в убежище Лиги – древнюю крепость города, возвышавшуюся над крутым берегом реки на значительном отдалении от остальных строений.

Но, прежде чем из одних стен перебраться в другие, я хотела повидать Дика. Уже изнывала от нетерпения.

«Дик, ты меня слышишь?»

Молчание.

«Дик! Ты где?»

Пустота.

Впервые за два года мой друг не отозвался. Он должен уже давно быть в Гарсе – ворота полчаса как открылись. И я заметалась, закружилась по городу, как птица, потерявшая птенца.

В поисках Дика я вкруговую объехала городские стены, начиная с северной заставы. Стражники только пожимали плечами. Никто, похожий на юношу-северянина с льняными волосами, в травянистых одеждах наемника, в ворота не проходил. Ни в одни из семи ворот Гарса. Раннее утро стало поздним, а Дик не откликался на мои призывы.

К его непонятному отсутствию добавилась еще одна странность.

У каждых из семи ворот меня поджидала нищенка столетней дряхлости. Одна и та же.

Я заметила ее лик у северных врат – чуть размытый, мерцающий, как у пифии, заблудшей во времени. Обычно мы пытаемся помочь друг другу: кто знает, не потеряешь ли ты когда-нибудь сама себя там, где не рождалась. Уйдешь в видение навсегда. И будешь бродить, чуждая всему миру, не в силах ни вернуться, ни умереть, бормотать странные слова на непонятных языках, есть пищу – и не насыщаться, пить вино – и не пьянеть, касаться людей – и не чувствовать плоти.

И прохожие будут обтекать тебя, не замечая, ощущая лишь какое-то внезапное неудобство, озноб от невидимого взгляда, не понимая, но чуя – некто незримый присутствует рядом. А если кто и заметит – примет за дух бесприютный, и будет прав.

Счастье, если случится заблудиться в прошлом – через века пифия дождется своего времени и обретет себя. Но той несчастной, что пропала в грядущем, только провидец сможет помочь, и только Глава Лиги – вернуть. Если в будущем еще будет Лига.

Меня сразу потащило к нищенке, как железо к Черной скале. Рука сама собой протянулась, слова сорвались:

– Пойдем, потерянная, я отведу тебя в крепость Лиги.

Она не должна была услышать. У потерянных разорвана связь с их живым телом. В школах нам объясняли: не природные звуки слышат они, а зов ума, и тянутся за позвавшим.

Но старуха услышала и ответила:

– Не Лига нужна мне. Тот, кто сможет ответить на мой вопрос. Но еще никто не смог.

Нет, не потеряна во времени эта пифия. Такая – не заблудится. Она сама – путь, по которому заставит идти, куда ей надо. Почему же мерцает ее тело?

– Кто я, жрица Истины? – произнесла нищенка стандартную формулу.

Золотистые глаза из-под алой повязки глянули так, что я задохнулась. Запредельную боль источал ее взгляд. Я молчала, раздавленная этой болью, как кит на отмели. И не я – что-то, пронесшееся сквозь меня, как огненный ветер, спалив и развеяв меня, как пепел, ответило:

– Никогда не быть тебе, Тварь!

Старуха прикрыла вспыхнувшие очи:

– Не Лига нужна мне, – повторила она. И вскинула руки. – Ты.

То, что осталось от меня, едва не просыпалось в ее ладони горсткой пепельной пыли.

Но моя благословенная кляча шарахнулась от резкого движения старухи, и чуть не выкинувла почти безжизненные останки всадницы из седла. Мой полутруп сам собой, без участия развеянного по ветру сознания, взвизгнул, вцепился в гриву и удержался на волоске. Лошадь тут же обрела юношескую прыть, и нищенка осталась далеко позади, так не заполучив мою жизнь в качестве милостыни.

То ли скачка раздула тлеющую в моих останках искру разума, то ли вопли прохожих, но где-то уже на краю сознания забрезжило понимание, что нам с клячей по пути: может, Дик свернул к другой заставе, к западу. И первое, что я увидела – алую повязку и золотистые глаза каким-то чудом опередившей меня нищенки.

И так – у каждых врат, где я безнадежно пыталась найти следы исчезнувшего Дика. И снова я бежала от протянутой к сердцу морщинистой руки. Бежала, пока моя кляча, которую только слепой, держа ее за хвост, мог назвать лошадью, не застряла в шумной толпе: гильдия виноделов гуляла чью-то свадьбу. Со мной они предпочли не связываться, но клячу радушно напоили, и ее тут же сморило счастливым сном. Дальше пришлось ползти пешком.

Мне осталось пройти короткую улочку, втекавшую в безлюдную гладь огромной площади, на дальнем берегу которой радужной жар-птицей сидела древняя крепость Гарса, как драгоценный камень в перстне городской стены. Школа пифий. Убежище Лиги.

Я вздохнула: разве это крепость? Какое может быть доверие к выпускницам школы, если они обучаются в таком легкомысленном даже с виду месте? Все перья у этой жар-птицы были разные, и никакого порядка в их расположении не наблюдалось. Бесчисленные башенки теснились, толкаясь, как девки на ярмарке. Ни одной одинаковой, даже окна не повторялись. Пифии постарались: каждая старалась слизнуть из будущего или прошлого какую-нибудь архитектурную диковину. Вот потому-то город и предпочел возвести Храм Истины на своей земле, дабы сохранить в народе хоть какой-то пиетет к древнему пифическому искусству.

Под ногой хрустнуло, и я обнаружила, что стою на выцветших незабудках и соломенной трухе, только что бывшими шляпкой, положенной для сбора подаяния.

Бормоча проклятия, и радуясь, что это была все-таки не сама Тварь, в которую не дай бог вляпаться, я соскребла остатки соломы и незабудок с каблука и, не решившись сунуть безобразный комок в протянутую руку нищенки, положила рядом на мостовую, настороженно наблюдая за владелицей почившей шляпки.

Нищенка укоризненно заглянула мне в душу золотисто-теплыми печальными глазами. Не двинув пальцем, она захватила меня в мгновение ока. Я охнуть не успела, как оцепенела под ее взглядом, чуть ли не с радостью отдавая разум и тело в придачу. Тварь пожирала мою судьбу, мой мир, мое сердце. И дарила мне знание – жуткое, нечеловеческое, невозможное. Открывала страшный путь, становившийся моей судьбой. И то, что становилось моим – не имело права быть. Не могло! Это не я убивала возлюбленного, не я уничтожала отца. Не я проносилась над Вавилорским Колодцем как огненный смерч, и простирала угольные крылья над обезлюдевшей оплавленной землей. Не я!

Мерцающая старуха тянулась: «Прими, жрица! Это – твое!»

НЕТ!!!

Внезапно она отпустила меня и ушла, растворившись в первой же подворотне. А я долго стояла, глядя ей вслед. И не было сил унять дрожь: моя жизнь раздвоилась, как нити туго свитой веревки, распалась на две равновозможных судьбы, и каждая была мучительной. Вот и случилось то, чего я боялась всю жизнь, от рождения, от первого осознания себя.

Все-таки вляпалась. Не только в шляпку – в Судьбу. Но меня она не получит!

2.

До крепости я добралась уже без препятствий. Безлюдный вид внутреннего двора показался странным. Вчера, перед моим отъездом в храм Истины, он был более населен: суетились какие-то неопознанные люди, незнакомые лошади, деловито сновали собаки.

Теперь царила такая кладбищенская тишина, что я была непривычно счастлива лицезреть последнего великаньего потомка, могучего мастера Альерга, обычно встречавшего всех наших гостей в ипостаси Привратника. Не сразу и догадаешься, что это всего-навсего фантом.

Школяры и школярки частенько, но безрезультатно, покушались на жизнь фантома, – до того эта пронырливая ипостась раздражала их внезапным появлением в самых неожиданных местах в самое неподходящее время. Привратник то разгонял уединившиеся парочки, то незвано вмешивался в дружескую пробу новоизобретенного лабораторного зелья знахарей.

По школе ходила легенда, что однажды какой-то бедолага вместо Привратника покусился на самого мастера, и был случайно и бесследно развеян по ветру. Легенду придумал сам Альерг, но фантом Привратника от покушений не спас: фантазию и упорство школяров, изыскивающих средство против шпионажа, могло остановить только найденное решение, и сия задача ежегодно, торжественно и тайно передавалась неофитам.

Привратник оглядел мои запыленные ботинки, пристально глянул как-то вдаль, словно сквозь каменную толщу стен обозревал ту улочку, где меня поймала нищенка, и пробурчал непререкаемо:

– Радона, изволь немедленно явиться ко мне в кабинет и отчитаться об утренних деяниях.

Уже донесли!

– Не соблаговолите ли проводить меня, милейший? – вежливо поинтересовалась я. Привратник фыркнул и исчез, мгновенно растворившись в воздухе. Не соблаговолил.

Наставник восседал в объемном кресле, и лицо его было столь мрачным, словно он только что самого себя похоронил. Не глядя на меня, он буркнул:

– Рассказывай!

– Зачем? Разве мастеру чтения мыслей требуется мой рассказ?

– Сколько раз говорить тебе, Радона, что я не читаю твоих мыслей. Некоторых, – поправился он, устыдившись откровенной лжи. – Так что сейчас – требуется. Причем, подробнейший доклад.

– Ну… в отстойнике для пророков я неплохо выспалась. Кстати, за что я там плесневела всю ночь?

Опекун вскинул глаза:

– Радона, ты же, как всегда, не остановилась на констатации факта. Тебе мало было открыть собравшимся в храме, что среди них – вампирка, которая вот-вот проявится. Мало было панику посеять. Ты еще и судьбу вампирки начала разматывать как клубок, не разбирая, где чья кровь и кто ее прольет. Ты подумала, что девушку могут растерзать прямо в храме, не дожидаясь проявления?

Я покраснела. А когда мне было думать в трансе?

– Вот именно, – согласился телепат. – Вампирку мы увезли из Гарса. Панику погасили. Но меня интересует другое. Что ты делала у ворот города, да еще и у всех семи поочередно?

– Да ничего особенного. Показалось, что Дик изволил утром почтить присутствием наш город, но был задержан на заставе из-за какого-то недоразумения. Вот я и поискала его. Безрезультатно.

В качестве иллюстрации я послала ему несколько облегченных от лишних деталей образов с Диком, стражниками и клочком пустынного тракта с щеточкой придорожного репейника.

– А, дружок твоего недолгого детства? На этот попался, не улизнет: здесь, в Гарсе, нами даже мухи все сосчитаны.

Он помолчал, сдвинув густые брови. Совсем не Дик тревожил мастера. Это было понятно даже не телепату. И он задал совсем неожиданный вопрос:

– Что тебе известно о нигах?

Я вздрогнула: неужели пронюхал о нищенке? Никогда не знаешь, что удалось спрятать от вездесущей Лиги, а что – нет.

– То же, что и всем: почти ничего, – я судорожно вспоминала скупые летописи и буйные народные фантазии о мифических нигах – демонах, способных пожрать все и сотворить из этого всего то, что им заблагорассудится. По преданию, они способны прикинуться любой вещью. Вот сидишь ты на табуретке, а это – ниг с ненасытной утробой, требующей постоянного круговорота форм. И, улучив момент, табурет раззявит пасть, проглотит седока с потрохами и отрыгнет в виде пивной кружки, издевательски пустой.

Насытившись, ниги засыпают, например, свернувшись семечком. Спят себе, прорастают, сонно отращивают стволы и кроны, становятся деревьями и лесами, в дремоте засыхают; не просыпаясь, падают в землю и даже сгнивают, не дрогнув. Потом очнутся, уже став почвой на каком-нибудь кладбище, и сожрут подаренного мертвеца вместе с гробом, похоронной процессией и лопатами.

Когда в доме пропадают одни вещи и неожиданно появляются другие – значит, там поселился ниг. Такой дом сжигают. Если очень не повезет, пропадают и сами хозяева, проглоченные какой-нибудь обеденной ложкой из фамильного сервиза, которой внезапно надоело, что на нее постоянно разевают рот. Я слышала об одном суеверном князе, который сжег собственный замок и деревни, когда пропала его жена. Потом оказалось, она сбежала с его младшим братом. Поймали и сожгли обоих. Тут доказательство одно: если ты мертв, значит, человек, а не тварь.

– Да что ты! – всплеснул руками засидевшийся в гостях у моей головы Альерг. – Какой кошмар!

– Да, кошмар, особенно если учесть, что нигов и не заметишь, пока они тебя не съедят, – со знанием дела подтвердила я, словно мне приходилось ежедневно увертываться от взбесившейся вилки-ниги.

– А не такую ли хищную ложку ты имела в виду как угрозу жизни правителя Гарса? Его супруга в гневе шлет мне уже пятого гонца с требованием указать, какой именно прибор угрожает ее мужу: трезубая вилка или двузубая, десертная ложка или ножик для чистки яблок! Между тем, сам правитель сегодня ел завтрак руками, как дикарь, причем, в присутствии нагрянувшего как снег на голову королевского советника, и тот мгновенно воспользовался ситуацией и отправил королю донос, что правитель Гарса – потенциальный изменник, ибо ставит собственную жизнь превыше чести! Это скандал!

Я тут же представила, как правителя казнят за измену только потому, что его руки оказались по локоть в овсянке, и меня осенило, почему мое предвидение было столь невнятным. Оно и не могло быть внятным.

– Так в видении не какие-то конкретные приборы представляли угрозу, а, наоборот, их отсутствие! – обрадовалась я решению проблемы.

– Это какое же надо иметь зрение, чтобы увидеть отсутствие присутствия?! Похоже, беднягу убьет не какое-то отсутствие, а как раз твое несанкционированное пророчество! – мрачно предсказал телепат.

Да, быть мне битой: потому и приставлены к нам телепаты, что Лига строго блюла Первый пифический принцип – «Не навреди!», и цензура была беспощадной. Потому цензоры и запирали пророчествующую пифию подальше от народа, в карцеры Храма Истины, и держали там до тех пор, пока несчастная не выйдет из транса и не прекратит сыпать истинами. Мне пришлось срочно вернуться к другой, менее неприятной теме:

– А откуда вдруг интерес к детским страшилкам про нигов? У нас в замке кого-то загадочно съели?

– Пару крыс и десяток мышей. Кошки остались без обеда.

– А появилось что-нибудь неожиданное? – допытывалась я уже несколько обеспокоено: неужели телепат доскребся до скрываемого?

– Да, так… Одна лишняя нищенка шастала с утра по городу. След в след с одной упрямой пифией. (О-о-о! Наказал же меня отец в детстве наставником-телепатом! Теперь опекун мстит мне за свою тяжелую юность!) Не охай! Еще кто кого наказал! Ну, и сколько раз ты прошла мимо нее и ничего мне не сообщила? Мыслить разучилась? Надеялась на массовую утрату разума у населения?

Так и есть. Шпионил. Отпираться было бесполезно, мой ответ уже давно сквозил в мыслях, поэтому я честно сказала:

– Семь.

– Я уже двенадцать лет учу тебя, Рона, что врать нехорошо.

– Семь, – упрямо повторила я. – Восьмой раз я на нее просто наступила, мимо пройти не удалось.

Мастер возвел очи горе, жалуясь пространству, как трудно ему приходиться жить на свете, когда это житье сопровождается присутствием некоторых тупых девиц, которые умудряются каждое слово понимать буквально, а потому дух мастерства им неведом, мало того, не внушает ни малейшего почтения.

Мне всегда доставляло несказанное удовольствие наблюдать, как он умудряется, гордо задрав голову, подавать небесам эту челобитную. Затем он тяжко опустил очи долу. Надеюсь, мой преданно устремленный навстречу взгляд был достаточно чист и невинен. Я торопливо оправдалась:

– Мастер, настоящей встречи еще не было.

– ???

– Это были видения.

– ???

Его вопросительно усмехающаяся физиономия начала приводить меня в бешенство.

– Госпожа пифия, слишком многие наблюдали вашу последнюю встречу. А люди твоими способностями плодить видения не обладают. Рона, никогда еще мы не были в такой серьезной опасности.

Мастеру, конечно, виднее. Но мне не виделась наша последняя история безоблачной: опасность была всегда. Что толку в телепатах, когда их – единица на бесчисленную тьму убийц. Какой смысл в предсказаниях, когда они – сбываются, когда в них – только поражение. Мы знали, что проигрываем. Даже у черни убить провидца стало делом чести. Поймать и сжечь пифию стало азартной игрой. Делались ставки, награждались победители. Даже ведьмы и колдуны были не столь популярны в качестве топлива. Особенно зверствовал Орден Бужды, объединивший несколько государств в один кулак, обрушенный на Лигу. В Гарсе нас еще терпели. Но таких городов осталось мало.

Мастер покорно переждал исторический обзор, и упрямо вернулся к своему нездоровому интересу:

– Мы полагаем, что ниги – не миф.

Может, он начал впадать в детство? Тихая мыслишка шевельнулась и замерла, придавленная внезапным столбняком: может ли способность к телепатии негативно повлиять на все остальные умственные способности? Ниги – не миф, да. Какие могут быть мифы, когда это голая чистейшая … выдумка, кошмарик, безотказное средство для увеличения глазастости юных дев?

Альерг, прекрасно обозревший шевеление, помрачнел еще больше:

– У Лиги другие сведения. Уже год в Оргеймской Пустоши мы изучали… свидетельницу, которая была во власти нига и осталась жива. Лига отбила ее у селян – они считали ее ведьмой. Обычно такие существа попадали к нам в виде горстки угольков. Мы, как ты понимаешь, не можем предотвратить самосуды. У нас уже нет былой власти.

Я поежилась. Охота на ведьм была памятна и мне самой. Именно от такой судьбы и спас меня мастер. Не важно, что я была обычной простой пифией – люди с кольями и факелами не вдаются в детали. Они боятся спонтанных проявлений нелюдей. Слишком много на земле спящих, растворившихся рас, давно ставших людьми. И только провидцы за человеческой оболочкой видят истинную суть.

– Живой настоящий ниг? – под ложечкой заныло отвратительное предчувствие.

– Не сам ниг. Измененный нигом человек. Мы называли ее Деткой. До сегодняшней ночи она была единственная живая свидетельница. Теперь ее нет. Лига хотела использовать Детку как приманку: если ниги как-то с ней связаны, они себя проявили бы. И они проявили… Мы поняли, что правда о тварях может оказаться гораздо чудовищней сказок.

Понимание было мгновенным, как вспышка.

– Вы убили ее!

– Это был несчастный случай, – твердо сказал мастер. – И мы потеряли многих. А один… попал под власть Твари.

– Кто?

Он не ответил, отвернулся. Мол, кто из нас пифия, можешь и сама посмотреть, не вставая с кресла. Мне пришлось напомнить, что я не ясновидящая. А человек, можно сказать, больной, страдающий стойкими галлюцинациями, как наш сапожник Кирон белой горячкой. Альерг кивнул, не поворачивая головы, словно и не слушал.

– Сегодня утром, пока ты рыскала по городу, мы нашли его. Сейчас пытаемся ввести противоядия, – телепат споткнулся, к чему-то прислушиваясь, я тоже напрягла слух, но замок как вымер, а из приоткрытого окна слышалось то ли чириканье, то ли далекое поскрипывание несмазанных колес. – … Но реакция слишком бурная и неожиданная. И в любой момент Тварь может придти за ним.

Мне захотелось срочно сбежать из этой благословенной страны: если хотя бы вполовину, хоть в четверть, хоть в одном слове известное о нигах – правда, то завтра или уже сегодня здесь будет конец света. Я спохватилась, но мысль уже выскользнула и попала к щупачу.

– С чего ты взяла, что именно здесь? – насторожился телепат. – И давай-ка поподробнее о конце света. Ты что-то чувствуешь, да? Сформулируй определеннее, я пойму, если ты не …

– Гаданиями не занимаюсь! – я привычно отрезала оставшееся недоговоренным «не способна». До сего часа меня вполне устраивал принцип: либо четкое пророчество, либо никаких гаданий на звездной гуще.

– Дражайшая моя воспитанница, в твоем словаре необходимых понятий пропущено распространенное слово «надо», – небывало настойчиво упрашивал наставник (обычно я нагло пользовалась дурными предчувствиями и Альерг частенько отступал перед авторитетом пифии, чем крайне меня избаловал). – Или мне напомнить о твоих обязанностях жрицы?

– Альерг, мы же не в Храме Истины и сейчас не час Оракула! – затрепыхалась я пойманным ершом.

– Ну, это не долго исправить, – он потянулся за колокольчиком. – Отправимся в неурочный час.

– Не надо! Я только что из пророчища. И… мне запрещено под страхом смерти приближаться к храму.

– Наслышан. Но с каких это пор правители распоряжаются нашими жрицами?

Колокольчик треснул, в гневе стиснутый огромной лапой. Опекун с сожалением глянул на обломки. Я мысленно развернула перед ним список пророческих сил Лиги и ткнула в скромную колонку:

– А кроме вашей несовершеннолетней, замечу, воспитанницы больше некому? Внезапный мор подчистую скосил обильные ряды пифий?

– Верховная Жрица Истины у нас в Гарсе только одна. Ты. И в ее обязанности …

– Это временно, – поторопилась я невежливо перебить. – Я покидаю сей незаслуженно высокий пост. Прямо сейчас. Считайте, что у вас уже другая Верховная, ее и отправляйте в храм за истиной.

– Правда? – искренне обрадовался мастер. – Считай, что ты уже получила это задание от новой Верховной Жрицы, которое моими заботами и будет первым ее распоряжением. Приступай прямо сейчас, и обойдемся без городских пророчищ. Так что у нас с грядущим завтра?

Я сцепила руки, зубы и, тем более, мысли. Не важно! Планета Вавилор, в просторечии Вавилорский Колодец, может спать спокойно.

Альерг временно смирился, что истины не даются по первому требованию, и перешел к очередным запугиваниям:

– Так как в руках Лиги человек, измененный Тварью, нам всем нужно соблюдать особую осторожность. (*«Так отпустите его!»* — мысленно возопила я) Не скрою, – поморщился телепат, – риск огромный. Пророчества, предсказания и все такое, особенно здравая логика, говорят о крайне неблагоприятном исходе охоты на Тварь, но … другого выхода нет, если судить по легендарной Книге Пр*о*клятых. Нам необходимо использовать единственный шанс. Это одна из причин, почему ты не должна выходить из крепости без охраны, или даже с охраной, но без меня.

Так. Теперь еще и Книга Пр*о*клятых… Я мысленно пробежалась по корешкам книжных полок всех библиотек, в которые когда-либо ступала моя нога. Что за книга? Почему мне ее на ночь не читала няня?

– Вторая причина, – продолжал опекун. – Слуги Бужды вышли на твой след. Вплотную. Дышат в затылок. Сегодня в Гарс прибывает наблюдатель из ордена Рота. Это официальный визит. Они обеспокоены событиями в Оргеймской Пустоши. Мы не можем им отказать по договору с этим орденом. Хотя официально ротцы сохраняют нейтралитет, но их посол, магистр ал’Краст, тайно служит Бужде. А что мы могли сделать? Не допустить его сюда крайне неразумно. Это значит, что с этого момента ты постоянно под усиленным наблюдением Лиги.

Такая перспектива меня совершенно не устраивала. На след пробужденные вышли еще семнадцать лет назад, когда пронюхали, что мой отец обзавелся ребенком. С тех пор и ходят, не зная, каким именно. Удивительная ненависть. Необъяснимая. Не ко мне – к отцу, который, к моему несчастью, был Главой Лиги. И зачем рожать детей в таких условиях? Я видела его один только раз в жизни, когда он запретил мне называть себя отцом для моей же безопасности, впрочем, и свою мать я видела только издали. С рождения перетыкивает меня Лига с места на место, с рождения я живу под неснимаемым колпаком то кормилицы, то опекуна, то всего Совета сразу.

Но быть узницей в собственном доме? Да что там – в собственной голове?!

Я уже видела, как Лига неусыпно обходит с дозором буйный сад моих мыслей, прикидывая, какие заросли корчевать в первую очередь, пинцетом выковыривает воспоминания, с фонарем стоит над каждым образом, заглядывает под одеяло эмоций. Этого ужаса мне не выдержать.

– Никакого ужаса не будет, Рона. И никто не будет копошиться в твоих мыслях. Поверь, это скучно. Контролируется только то, что будет превышать нормальный эмоциональный уровень. Норму дыма. Не мешает же тебе пожарный дозор?

Еще как мешает! Я его боюсь. Он может в любой момент кинуться мне на голову. Вон, уже примеряется. Я со вздохом воздела очи: в клетке под потолком бездельничала обученная реагировать на дым рыжая крыса, задумчиво поглядывавшая на рычажок, окрашенный киноварью: не пора ли бить в набат? Дозор отвратительно пискнул, и неприличным жестом демонстративно вывесил меж прутьев голый хвост, обвисший мерзким червем. Какая гадость этот ваш контроль!

– Как будто тебе требуется мое согласие! Тем более, это не избавит меня от их преследования. И ты прекрасно осведомлен о высказывании Верховной жрицы Асарии, что они меня так и не узнают.

Наставник воспользовался моим страхом перед крысами:

– Знаю также народную мудрость: на пифий надейся, а сам не плошай. Потому и не узнают, что усилия приложены. А сейчас должны быть приложены вдвойне. Рона, ты же знаешь: завтра в Цитадели, у Гроба Бужды традиционный Вечит Пробужденных. И они хвастаются, что после этого Вечита весь мир будет у их ног.

Альерг предупредил мое презрительное фырканье:

– Совет считает, что у них появились серьезные причины для таких заявлений. Лига обеспокоена. Сегодня утром погибли двое наших провидцев. И очень странно погибли. Их смерть не была предвидена.

Я похолодела. Такого просто не могло быть! Мастер забегал по кабинету с удвоенной скоростью.

– Рона, не усложняй мне работу! Для этого ты должна немедленно и без лукавств поведать о встрече с нищенкой. Даже я заметил ее странность: ни следа мысленной деятельности! Как … как у камня. Это даже не фантом – они всегда имеют четкий отпечаток породившего их человека, клеймо производителя. Это нечто, с чем я еще не сталкивался. Это значит, что «пробужденные» начал работать на опережение. Что ты смогла узнать о нищенке?

– Ничего. Ее нет и не будет.

Тут Альерг утратил всякую представительность и возопил жутким шепотом:

– Так ты НЕ ЗНАЕШЬ?!

Все башни замка мгновенно оцепенели. Уши заложило тишиной. Даже мыши в подвалах замерли, паучки и мушки осыпались по углам черными угольками, а жуки-древоточцы остолбенели и перестали грызть нашу мебель раз и навсегда. Влетевшая в открытое окно стрекоза упала на пол, словно разбилась о невидимую стену, а гнавшаяся за ней синица обескуражено чиркнула крыльями, разочарованно пискнула и убралась обратно в сад. Альерг хмыкнул:

– Надо же, я изобрел новое средство от тараканов. Весьма действенное заклинание. Надо записать.

Он потянулся к столу за пером и бумагой. А мне стало интересно, чем он собирается писать: чернил на столе уже *не было*.

– Надо послать за чернилами, они, *кажется*, кончились, – сообщила я, наблюдая, как из треснувшего хрусталя чернильницы сочится пурпурная жидкость и кровавым ручейком льется на ковер. Обычно затененный кабинет заливало яркое солнце, и я обнаружила, что

окно уже не закупорено со стороны сада ветвями рябины, а наполнено сияющим глубокой синевой небом. Это изменение тоже надо было прокомментировать:

– Да, а без рябины в твоем кабинете гораздо светлее. Дерево было явно лишним.

Мастер пристально посмотрел на стол, на окно, по всей *его видимости*, все еще занавешенное кружевом рябиновых листьев, пожал плечами, выудил из ящика очередной колокольчик, а для верности гаркнул во всю мощь широкой груди:

– Пелли!

Веснушчатая мордашка услужливого школяра Пелли уже торчала в дверях. Не сомневаюсь, что только что его ухо было приклеено к замочной скважине.

– Пелли, немедленно нужна бутылка моих спецчернил, – сказал Альерг. – И, голубчик, поторопись, пока я не забыл самое удачное заклинание от моли.

– Это какие чернила? Кровь, что ли? – ухмыльнулись все веснушки Пелли. – А вона у вас на столе полная чаша!

Мальчик ткнул обгрызенным ногтем в сторону стола, на котором, действительно, *по-прежнему* сияла красноватыми искрами целехонькая хрустальная чернильница.

– Мой юный друг, пожалуй, никуда ходить не надо, поди-ка сюда поближе… так я быстрее получу необходимые чернила! Да еще и свежайшие!

Зубы Альерга хищно блеснули. Пелли ойкнул и моментально скрылся. А меня все больше беспокоила пронзительная синева неба в окне. Она стремительно заполняла кабинет, и золотые искорки вспыхивали все чаще и чаще, пока не закружились в ослепительном вихре. Сквозь нахлынувшую слепоту я услышала собственный крик:

– Али, бежим, быстрее!

– Зачем? – поинтересовался Альерг, но я не смогла ответить, охваченная полной темнотой и немотой.

Из сладкого небытия меня извлек ехидный вопрос веснушчатого голоска:

– И долго она будет изображать подстреленную моль?

Пришлось открыть глаза и осмотреться. В комнате ровным счетом ничего не произошло. Порядок был такой же, как всегда – идеальный. Ни битых стекол, ни сломанной мебели нигде не валялось. Рябина в окне тихо покачивала кружевом, баюкая своих несметных розовеющих детишек. Мастер успел втиснуть себя в кресло. И никто за это время не успел сколько-нибудь заметно измениться. Кроме Пелли, пустые руки которого были уже отягощены внушительной бутылью черного стекла. Надо полагать, в бутыли были чернила.

Проклятье! Почему одна я должна с десяток раз на минуту помереть от страха, а остальные прозябают в счастливом неведении, пока будущее, помахавшее мне ручкой из туманного далека, не удосужится нагрянуть и хорошенько шваркнуть прозябавших?

– Что это было? – поинтересовался опекун. – Обморок?

– Ага, голодный! – радостно поставил диагноз Пелли.

– Может, доктора Рипли позвать?

– Н-не надо, – буркнула я. Раз уж телепат не заподозрил предвидения, то и я не буду. Пусть будет обморок, а не будущая катастрофа, которую я так и не смогла опознать. А признаваться в непрофессионализме даже пророчице стыдно.

Мастер отпустил мальчика и вернулся к допросу с пристрастием, то есть с применением пытки чтения моих не совсем кристальных мыслей. Я спешно поинтересовалась:

– Али, а все-таки, этот измененный Тварью человек, случайно, не в нашем подвале? Может, нам давно пора драпать во все лопатки, а?

– Нет, – проскрежетал он, продолжая взывать к моей совести.

Телепат, если это не ты сам – существо невыносимое. Двенадцать лет из моих семнадцати стали непрерывным поединком с мастером-телепатом. Сложно ничему не научиться.

И я тут же начала чуть потравливать поводок, незаметно высвобождая помыслы из цепкого внимания наставника.

Мастер увещевал:

– Рона, со вчерашнего дня пробужденные невероятно активны по всей стране.

Пробужденные … Расы, навсегда ставшие людьми. В них умирает и тролль, и эльф, и русалка, и фея. Их будущее непроглядно, как у кукол с человеческими лицами. Они становятся растворенными в странной, непрощупываемой, невидимой сущности. Чужой, нечеловеческой.

– Тебя могли свистнуть манком, – Альерг и не подумал отвлечься от нотации. – Стоило показать тебе Дика, попавшего в переплет, и ты кинулась выручать своего арестованного дружка без суда, следствия и охраны. И без сопровождения тут же нарвалась на слуг Бужды. Эта нищенка… она каким-то образом на тебя повлияла. Картина твоих мыслей словно смазана. Вспомни, что ты почувствовала при первой встрече с ней.

Слова «первая встреча» породили целый букет необходимых мне ярких добротных образов. Чтобы не заблудиться во времени, я вцепилась в холодный камешек ожерелья. Альерг, хорошо знавший, что этот жест означает приближение очередного транса, немедленно всполошился:

– Рона, только не сейчас! Подожди! Я еще не договорил!

Но перед глазами уже возникла деревушка возле замка Аболон, где я провела детство, и за красочными фигурами прошлого я мгновенно припрятала утренние происшествия и всю сегодняшнюю действительность. Я улыбнулась наставнику, оставляя его наедине с моей полной невменяемостью на период лицезрения мной иных времен.

Я бродила по прошлому, пока видения не прервались горячим уколом кристалла в ладонь. Голова *дракона* в ожерелье ехидно дохнула пламенем: *«Гарс! Настоящий! Выгляни из ракушки, устрица!»*

И, оглядевшись, я возрадовалась: наставнику надоело кружить злобной сторожевой собакой около невменяемой пифии. Он ушел, хлопнув дверью. Хорошо, что фантом Привратника не додумался оставить в качестве караульщика.

Я тоже покинула кабинет и медленной глубоководной рыбой поплыла вниз по бесчисленным залам и пыльным лестницам, избегая мест вероятного присутствия Альерга.

Главное – не выпустить ни одну из несущих меня трех лошадей – прошлую и сразу двух настоящих: одну – бредущую по крепости и сосредоточенную только на чувстве цели и равновесия, другую – мысленно путешествующую в прошлое, и третью – уставившуюся на книжные полки массивного шкафа. Теперь мастер не сразу догадается, что в его кабинете меня уже нет, если там так шумно копошатся мои мыслеобразы.

Подземные катакомбы оказались недоступны. Массивные двери, обычно гостеприимно распахнутые для всех школяров, желающих выпить с привидениями скляночку прозрачной жидкости лабораторной крепости, – эти никогда не закрывавшиеся двери были закрыты.

И не просто закрыты, но охраняемы скучающими незнакомыми громилами, перед которыми я с жалобными «кис-кис!» разыграла горе кошачьей приемной матери, потерявшей единственного сыночка.

Стражники пожимали плечами: нет, котов не держим. И какие непроявленные гоблины будут их держать?

Вблизи я разглядела, что подземелье было еще и опечатано: двери и даже стены застилала тонкая как кисея светящаяся пелена. Я поскребла ее украдкой от стражников.

Ни на кисее не осталось следа от ногтя, ни на ногте светящегося следа от кисеи. А вот палец чуть не выломило из ладони, – с такой силой его отшвырнуло от стены. От треснувшей

искры замельтешили в глазах золотые звезды. А голова взорвалась чужой болью. Кто-то неслышимо вздохнул:

«Ты здесь, матушка?»

Я вскрикнула:

– Что?!

«Кто ты?» — плеснулось в сознании.

– Я – Радона, жрица Истины, – представилась я церемонно.

Стражники в замешательстве переглянулись:

– Стой!

«*Девочка Радона!* — голос словно улыбнулся. – *Жрица несуществующего!*»

– Если истины нет, то и человека нет.

– Туда нельзя! – высказала стража непререкаемое мнение.

«Я тоже так думал когда-то. Но разве вне человека нет истины?»

— А кому она нужна, кроме человека? Кто ты, неведомый?

«Тот, кому нужна истина!» – рассмеялся узник.

– Прочь! Запрещено! – стражники угрожающе выставили алебарды, сочтя меня буйнопомешанной.

Потирая покалеченную искрой руку, я посетовала:

– Наверное, моего котенка здесь нет. Увидите, передайте, чтобы немедленно возвращался!

И заторопилась вернуться в кабинет опекуна.

Но разум еще уловил чужое касание: *«Мне уже не вернуться, девочка Радона. Я ушел слишком далеко. Прими мою жизнь, жрица Истины. Ты сможешь!»*

Боги! В какую же шляпку для подаяний я вляпалась сегодня утром? *«Прими!»* – просила нищнка, с тенью Твари в душе и моей судьбой в глазах… Мне не нужны ничьи жизни. Мне бы собственную прожить. А то я ее среди сонма чужих и не чую уже…

3.

Камень в ладони не давал укорениться в прошлом, пульсировал, возвращая меня в настоящий момент, золотая *драконья* морда то и дело цапала за пальцы: *«Гарс! Смотри под настоящие ноги!»* Под это комаром зудящее напутствие я повернула на лестницу башни, и на меня вылетело нечто светящееся, заставив шарахнуться так, что я подвернула ногу.

Внезапная боль вырвала меня из состояния самогипноза и предъявила назойливую настоящую реальность, а в ней почти перед носом торчало зеркало. Сколько раз я умоляла убрать его из этого совсем неподходящего для будуара места!

За десять лет самостоятельных упражнений я так и не научилась крепко удерживать в сознании несколько временных нитей. Это было все равно, что управлять двумя несущимися полным ходом колесницами, стоя между ними.

Для пифии эквилибристика во времени – обычное дело. Но потому пифии и не помнят, что вещают в трансе: они просто перепрыгивют с одной лошади на другую. А вот скакать на двух сразу… Или на трех… Да еще, если колесницы мчатся навстречу друг другу… Этот момент почти всегда сминал меня в бессознательное состояние.

Именно такую ситуацию подсунуло мне проклятое зеркало, перед которым только что торчал рыжий Пелли. Я на него чуть не наступила. Мальчишка пискнул и умчался, словно увидел жуткую змею, шипящую на кладке яиц.

А в зеркале все еще порхало, сворачивая сияющие крылья, его отражение – некто, стремительно приобретавший черты эльфа с веснушчатой мордашкой. Так вот каков ты, мальчик Пелли!

Мастер вернулся в кабинет первым, вопреки моим надеждам, и моргал то на меня, то на невидимую точку поверх стола, и был невиданно свиреп:

– Как … как ты это сделала? Тысяча богов! Кто из вас двоих настоящая? Отвечай! А, вижу! (маячок в панике мигнул и схлопнулся) Ах ты, негодница! Уж от кого иного, но от тебя ожидать такой уловки, к которой прибегают только лживые слуги Бужды…

А сам-то со своим Привратником…

– Ну, надо же! Она додумалась до фантома! – Альерг метал громы и молнии столь яростно, что пожарный дозор заметался крыской в клетке, заоблизовался на красный рычажок. – Мало того, наделила фантом воспоминаниями, а сама в это время шляется где попало без надзора. Ну, чудовище, расскажи дяде, как ты это сделала, да так, что я ни разу не догадался? Разве ты пифия? Ведьма!

– А кому понравится, что в его голове копошатся, как кошки на свалке? – сердито парировала я, одновременно досадуя, что мой трюк с маячком разгадан, удивляясь, что недавнее видение с чернильницей странным образом не торопилось сбываться, и нервничая в ожидании его ужасного свершения.

Самое главное – я не понимала, что именно должно произойти. Крохотные обрывки реальности, просочившейся ко мне из будущего, были столь малы, что не опознавались. А значит, не доступны были для Альерга, который читал мои мысли и видения с большим толком и лучшим пониманием, нежели я сама. Поэтому он и не тревожится, а надо бы.

Надо переходить в наступление.

– Кто в подвале, Али?

– С чего ты взяла, что там кто-то есть?

– Слышала краем уха.

– Ах ты, демоница! – гаркнул опекун бешеным драконом.

Крыска под потолком сочла момент подходящим для экстренного обеда, хищно взрявкнула и с алчным вожделением всеми лапами хлопнулась на красный рычажок.

Гаркнуло похлеще дракона!

Мощные стены ахнули скрежетом и ревом встроенных труб. Замок дрогнул в панике. Захлопали двери, полопались стекла.

– Хватит! – схватился за уши Альерг.

Но крыска под шумок уже жамкала добрый ломоть свалившегося бекона. Я облизнулась с черной завистью, вспомнив о пропущенном завтраке.

– Пойдем-ка, прогуляемся, успокоим паникеров, – смилостивился великан и протянул мне руку.

Пространство сразу знакомо накренилось…

Мир тряхнуло так, что прожорливый рыжий дозор, бросив недоеденный ломоть, метнулся к рычажку за следующим, и грохнувшие громче прежнего пожарные трубы заглушили мой вопль:

– Али, бежим! Скорее!

Замок до основания сотрясся от мощного взрыва.

Стены треснули.

Альерг с протянутой рукой полетел на меня, как башмак на таракана.

Я попыталась провалиться в долгожданное беспамятство, не забыв удовлетворенно отметить: «Уфф! Свершилось!»

Полного беспамятства не получилось, и я провалилась совсем не туда, куда хотелось, а рухнула всеми чувствами в привычное убежище – в прошедшие времена.

Окрестности замка Аболан, двенадцать лет назад.

Тяжелый башмак на деревянной подошве подопнул девочку, как мячик. Она покатилась по заросшему лопухами и крапивой косогору. Но вскочила, побежала, задыхаясь. За ней, умело охватывая полукругом, лениво трусили трое краснолицых распаренных мужиков: двое с кольями и еще один, кривоглазый, размахивал вилами. Его глаз вытек недавно, и рана, кое-как обработанная, еще сочилась сукровицей.

Загонщики не особо торопились, с мстительным удовольствием подгоняя поближе к реке маленькую добычу. Дальше бежать некуда, только в воду.

– Бери вправо, Рудко! Не то по берегу уйдет, гадюка! И откуда столько прыти?

– Дык, оно и видно, что ведьма!

– Слышь, Лют, ты вилами, вилами ее, по пяткам-то! Ах ты, дрянь! Кусается, стерва!

Девочка цапнула протянутую лапу тщедушного преследователя – прокусить не прокусила слабыми щербатыми зубками, но сухожилие на фаланге повредила. И тут же отпрянула, уворачиваясь от растопыренной пятерни, обошла заголосившего загонщика и вырвалась из полукруга.

Кривоглазый Лют выругался, побежал. Хватит, побаловали, пора кончать ведьму, лишь бы не ушла! Намедни она его сглазила, да так, что он окривел. А сначала его коровукормилицу сглазила так, что та свалилась в буерак и сломала ногу. И все потому, что он стеганул розгой помощника конюха, заменявшего заболевшего пастушонка, за дело стеганул – за то, что плохо накануне выпас пеструху, и та дала мало молока. Да и то не особо попал по стервецу – уж больно верток оказался, змееныш, еще и лыбился нагло: не поймаешь, мол. Да поймал бы, да выдрал бы от души, но эта маленькая ведьма встала у плетня и этак спокойненько сказала, что одна нога у его коровушки уже сломана, а ежели он еще розгу опустит на мальчонку, так пеструха и вторую сломает. А когда Лют тут же кинулся

на дальний коровий рев, маленькая ведьма еще и крикнула вслед: «Не торопись окриветь, дядька Лют! Лучше подмогу позови!»

Так и вышло, сглазила! Когда он тянул обезумевшую пеструху из овражка, поскользнулся, наверняка на ведьмином слове, и повалился на скотину. Корова мотанула головой, вышибла ему глаз рогом. Вот тогда и порешил он, что убьет ведьму. И что с того что мала, поди и пяти годов нет? Подрастет – всех со свету сживет!

Охотников до расправы не долго пришлось искать: вся деревня побаивалась и тихо ненавидела маленькую девочку, пугавшую селян не по возрасту разумной речью и странным поведением, а больше всего – дурным глазом. То засуху накаркает, то младенца уморит, как оно было с рудковой молодухой, родившей мертвого только потому, что ведьма наговорила – еще лепеча, толком говорить не умеючи, – будто не видать плоду света, ежели тута родить. А где еще родить, спрашивается, как не в родном хлеву? Так и случилось. Сглазила. Обмотало пуповиной, и задохся младенец-то. Повитуха сразу на ведьму сказала: она, мол, больше некому так младенца спортить.

Девочка споткнулась и заверещала, вырываясь из подоспевших лап, да они ей быстро рот заткнули. И потащили отчаянно бьющееся тельце топить в реке. Мало ли их, мальцов недосмотренных, летом по рекам тонет. Каждый год не по одному. Утопла и утопла. Случайно, мол. Хотели вытащить, да не поспели, и все тут. Поди докажи. А то ведьма-то – дочка господской любимицы. Не ровен час, и расследование учинить могут, кто да что.

– Слышь, Гнесь, ты ей легонько колом-то по затылку тюкни, чтоб оглушить токмо. А не то, не дай Бог, заорет, услышит кто. Да не ломай кости-то, следов не оставляй! И без синяков чтоб…

Тщедушный Гнесь, стрельнув по сторонам вороватыми глазенками, осклабился понятливо и тюкнул слегка. Чисто, только оглушил пойманную, и та затихла, потеряв ум и разом обмякнув. Кривоглазый вытащил кляп и бросил тельце в воду, поближе к зарослям ивы, где под водой густо темнели глубокие ямины.

Троица постояла, понаблюдав, как медленно, словно легла на чью-то широкую ладонь, девочка погружается в воду. Плотный шелковый чепчик, набитый копной волос, вздулся и еще поддерживал головку, и она покачивалась на воде, как огромный поплавок.

– Может, попридержать под водой надо было, а, мужики? – дернулся было Лют к реке.

– Не боись, и так утопнет, – шепотом остановил его Гнесь. – Утащит, там омутцы, под ивами-то. Слышь, где-то ветка треснула. Бежать надоть!

Троица рассыпалась в разные стороны и затрещала на бегу веточками. Но откуда-то из кустов как крыло гигантской птицы выметнулась огромная черная тень, кинулась на беглецов, моментально накрыв одного. Послышались сдавленные крики, шум мгновенной драки. Щуплый Гнесь припустил прочь, что было мочи.

Кривоглазый, грузно топавший в противоположную сторону, столкнулся с бегущим к реке вихрастым мальчонкой.

– Ах ты, гад, ты-то откель взялся! – попытался остановить его Лют. – Да я тебя одним пальцем!

Чепчик намок, наконец, и тельце скрылось под водой, соскользнув с поддерживавшей спинку коряги.

Мальчонка с золотистой, как подсолнух, головой, увернулся от кривоглазого, пнул его ногой в деревянном башмаке в пах и, уже не обращая внимания на застонавшего верзилу, рванул к воде, лихорадочно окинул взглядом прибрежную гладь, крикнул:

– Брэнглэп! Ко мне!

Тень взвилась, накрыла кривоглазого, после чего тот перестал барахтаться и распластался неловким кулем. Мальчонка уже нашарил тельце, сам изрядно нахлебавшись,

когда тень гигантским прыжком метнулась с берега, бесшумно войдя в воду. Внушительная пасть бережно подхватила детей и вынесла на берег. Чудовище, похожее на огромного пса, обнюхало спасенных, облизало как щенят.

Мальчнк склонился над спасенной и, смахивая с глаз то ли капли воды, то ли слезы, разрезал врезавшуюся в горло тесьму чепчика, потом резко надавил на грудную клетку, заставляя дышать:

– Ну же, дыши! Ты должна дышать! Дыши!

Девочка судорожно вздохнула, закашлялась. Он приподнял ей голову. Чепчик слетел, и хлынули, рассыпаясь, густые длинные локоны, невероятно белые и такие яркие, словно светились.

Мальчик присвистнул от изумления, недоверчиво потрогал белоснежную гриву. Волосы даже не были влажными.

– Смотри-ка, Брэнглэп! Дивная у нас сегодня добыча! Узнаешь?

В ответ громадный клуб тьмы тоненько заскулил, попятился. Мальчишка хмыкнул:

– Не трусь. Она непроявленная. И вообще полумертвая. Еще долго не очнется. А мы посторожим, нам торопиться некуда.

Девочка дышала ровно, как спала. Спаситель срезал ножом серебряную прядку, спрятал в карман. Чудище брезгливо фыркнуло. Мальчишка сверкнул на него сердитыми синими глазами:

– Ну и тупой же ты, Брэнг! Учитель все равно найдет меня и заставит вернуться. Да теперь не накажет. И не фыркай, как табун жеребцов! Спорим, не накажет? Потому что я покажу ему кое-что! – он хлопнул по карману с добычей. – За один волосок старик простит мне все грехи, и прошлые, и будущие. Если я не ошибаюсь, они ищут вот эту русалку уже лет пять. А мы взяли и выловили. А знаешь, что я скажу ему? Что нашел один волосок в лесах далекой Борунии, на ветке, когда присел под кустик по нужде!

Клуб тьмы с очертаниями пса разразился приступом громогласного кашля. Мальчик испуганно покосился на спасенную. Но та и не подумала очнуться, дышала так же ровно.

– А может, и не найдет меня старик, – задумчиво продолжил мальчик. – С тех пор, как мы вместе, Брэнг, мне кажется, он мне уже не нужен. Ты не знаешь, с чего бы это мне так кажется?

Брэнглэп вздохнул. Его друг опустил золотистую голову:

– Ну и ладно. Знаю, что должен. Вернусь я к ним. Но только после того, как ты покажешь мне Землю Проклятых. Ты обещал. И еще … я не повидался с теми, кого искал. Не за девчонкой же мы сюда пришли! Идем! Надо еще с последним из этих троих вурдалаков непроявленных поговорить.

Хвостатый клуб тьмы поспешно скрылся, изобразив страшно занятую собаку, взявшую след убийцы.

Мальчишка свистнул пса, услышал в ответ далекий человеческий вопль, слившийся с жутким воем неведомой твари, встряхнулся по-собачьи, разбрызгивая капли с мокрой одежды и потемневших от влаги вихров, и торопливо убежал.

Когда девочка открыла глаза, вокруг никого уже не было.

На следующий день все население местечка Ирд искало троих исчезнувших мужчин. Собаки потеряли след у речной излучины за заброшенной мельницей, пользовавшейся дурной славой. Кто-то вспомнил, что в тот день от мельницы единожды донесся неслыханный чудовищный вой. Кто-то заметил, что исчезла еще и старая полусгнившая лодка, валявшаяся на берегу в том месте, дальше которого собаки не шли, сбиваясь в кучу и тоскливо поскуливая. На месте, где прежде лежала лодка, трава стояла не помятая, такая же высокая, как и на всем косогоре, что повергло селян в мистический ужас. Ожили и поползли древние сказки о жутких демонах – нигах, невидимо караулящих добычу.

Крепость Гарс. Настоящее.

Драконья морда ожерелья гаркнула: *«Па-адъем! На зарядку становись! Тьфу, опять забыл, для какого века вещаю… Гарс! Переходим к водным процедурам настоящего!»*

Я стиснула надоедливого глашатая, уколовшись о его клыки. И нехотя очнулась на полу опекунского кабинета, с двумя мыслями сразу.

Во-первых, о том, что прошлогодняя оправа кристалла была гораздо вежливее, а эту ехидну надо срочно отдать ювелиру в переплавку.

Во-вторых, о том, что надо будет спросить у Дика, почему он никогда не признавался мне, что спас меня в тот страшный день. И не рассказывал ни о невиданной собаке, ни о каком-то учителе. И вел себя так, словно впервые меня видел. А ведь именно после этого случая помощника конюха как подменили: он перестал дразнить меня вместе с деревенскими мальчишками, и стал мне другом.

Не успела я поставить еще две зарубки, как на меня обрушился беспощадный ледяной поток воды. Погибать под водопадом было не слишком приятно, и я поспешно всплыла, отфыркиваясь:

– Ну, хватит! Вы меня утопите!

На страже моей головы стоял Пелли с двумя полными ведрами воды. Рядом с ним я насчитала два уже пустых ведра. Увидев, что утопленница еще вполне живая, мастер злорадно кивнул мальчику и, не взирая на мои отчаянные протесты, услужливый стервец окатил меня очередной, особенно ледяной порцией.

– Ну, погоди же, Альерг, – прошипела я дымящейся головешкой. – Я предскажу тебе самое ужасное будущее! Ты сги…

На этот раз мальчишка не стал дожидаться команды и торопливо опрокинул на мою голову новый водопад.

– Изверги! Разве мир еще цел? – я придирчиво окинула взглядом берега лужи.

Мир был не совсем цел. И даже основательно разрушен. Чернильницы и рябины на месте не было. Как оно и полагалось. Значит, все опять расположилось по должным местам. Не было и самой стены с рябиновым окном. Ее заменил провал, а в провале открывался весьма недурной вид на сад.

– Только не говори мне, что тебе нравится эта восхитительная панорама! – пресек мои восторги мастер, помогая мне перебраться в уцелевшее кресло. – Пелли, ты принес полотенца и накидку? Ага. Передай их нашей мокрой ку… пифии, пока она не предсказала тебе смерть от жажды в отместку за последнее ведро.

Пелли стал походить на жертву вампира, но я его успокоила, начав вещать замогильным голосом:

– Нет, жестокий мальчик, ты от жажды не умрешь. Ты умрешь не от жажды. Ты …

– Прекрати, Рона! – взмолился наставник, а икнувшему и уже заранее приобретшему трупный цвет ученику пояснил. – Не пугайся, это не настоящее пророчество. Наша жрица Истины сегодня не в духе. Она сегодня даже землетрясение забыла предсказать. Боюсь, эта забывчивость уже навсегда. Особенно после того, как Радона мужественно приняла в свою хрупкую голову всю тяжесть мудрости вон того фолианта, самого толстого в моей библиотеке. Сотрясение мозга не благоприятствует ясновидению.

Врет! Этим толстым мудрым фолиантом был сам маэстро.

– Разве это было землетрясение?

Удивлению моему не было предела. Уж что-что, а землетрясения, наводнения, извержения вулканов, в том числе и самого Альерга, и прочие стихийные бедствия мной исправно предсказывались на неделю, а то и на годы вперед. Ближайшее … Глаза обшарили ближай-

шее сущее … в грудь толкнулось эхо … как раз через неделю. Где? Вновь плеснула ожившая, караулившая мое будущее сине-золотистая тоска. Не вижу. Не знаю. Не здесь. Надо же, а вчера еще это ближайшее отстояло на месяц. Время меняется, меня…ет… ся… Вероятности равноосуществимы… Меня зазнобило, и я плотнее завернулась в накидку.

Пелли, воспользовавшись паузой, скрылся, что-то пробормотав и получив в ответ согласный кивок мастера. Альерг был почему-то очень доволен. Неужели его так вдохновляли руины почти половины этого крыла крепости? Он потирал руки:

– Замечательно! Теперь город за пять минут узнает, что пифия лишилась дара. Не беспокойся, девочка, никто не пострадал. Твои покои, кстати, тоже не пострадали, и ты вполне можешь искупаться и смыть с себя пыль казематов. Кажется, недавно, когда ты переступала этот порог, купель была твоей самой пылкой мечтой.

– Купель?! Спасибо, уже искупалась. Я, честно говоря, до сих пор в купели лежу.

– Бесстыдница! Лежебока! Марш переодеваться и завтракать. Кухня, хвала богам, уцелела. Но только попробуй после не рассказать мне все, как на духу! Особенно меня интересуют эти твои сине-зеленые мухи, мельтешащие в глазках. Где ты их подхватила? От нищенки заразилась? И не забудь объяснить, куда мне теперь столько чернил! И побыстрее – у меня в крепости дел полно.

– Эти руины уже не назвать крепостью.

– Пострадала только эта башня, да и то не сильно, не беспокойся.

– А тот, кто был в подземелье?

Он замер. Отвернулся. Но я успела уловить, как исказилось его лицо, словно от мучительной, тщательно скрываемой боли.

– Нет там никого, Рона.

Он тяжко вздохнул, вытащил меня из кресла, взвалил на плечо слабо трепыхающимся мешком.

Покорно болтаясь, как похищенная с тарелки дракона принцесса на зеленом плече тролля, я не теряла времени и пыталась вовсю обмениваться знаниями о сегодняшнем дне, который начался давным-давно, когда таким же, только еще более небрежно сложенным свертком, я прибыла из деревни возле замка Аболан в порт Олла, откуда лежал путь на Гарс…

Но Альерг прервал меня на полумысли и выговорил мне, что я снова разменяваюсь по пустяшным воспоминаниям, ибо так и не научилась видеть саму цель, а только глазею на лишние детали, в коих имею привычку погрязать на пути к цели. Вот эту цель он и посоветовал мне тщательно рассмотреть в ближайшее время и доложить о результатах.

Мое возражение, что из положения вниз головой сложно что-либо увидеть, кроме дряхлого мозаичного пола с щербинами и трещинами, тоже было пропущено мимо ушей, так как мастер оказался осведомлен, что глаза у пифий и вовсе лишняя деталь, оставшаяся в теле подобно рудименту хвоста.

К тому же, если цель перед глазами, значит, это не та цель, какая нужна.

Цель не может быть *перед* глазами, и даже … тут он попробовал было приосаниться для ответственного заявления профессионального телепата, но я вовремя ойкнула, вцепившись в его плечо, с которого чуть не свалилась, и он слегка споткнулся, но быстро восстановил и равновесие, и пафос: цель не может быть *перед* мыслью.

На мое отвращение к подобного рода софистике, выраженное красноречивым фырканьем, этот чтец междометий и мыслей ответил, что цель – это ни что иное, как замысел. И пребывает за мыслью, а не перед оной, и, если я хочу когда-либо оправдать собственное существование и незаслуженную славу пифии, то не должна обращать внимания на видимость, а видеть то, что ЗА видимым и мыслимым.

– Это и есть цель, – завершил урок Альерг, ставя меня громоздкой точкой перед дверью моей комнаты.

Но что нам стоит превратить точку в запятую! Одним росчерком:

– Это чушь, а не цель, так как держится на пространственных аналогиях, которые сами по себе чушь!

И я поспешно захлопнула дверь, дабы не слышать громов и не видеть молний. Но одна пронырливая искра пробралась в замочную скважину, полыхнув:

– Поймешь, когда прозреешь!

Я подозрительно оглядела келью: не пробрался ли следом за искрой еще и вездесущий Привратник.

Комната, обставленная с вызывающей, даже свирепой скромностью, была почти пуста: стол, скамья, табурет, да ложе. Без всяких изысков. Зато фантомам негде прятаться.

По привычке, едва оставшись одна, я мысленно окликнула Дика. Он опять не отозвался обычным «Привет, Косичка!», и это настораживало больше, чем даже его утреннее отсутствие на заставах. Мне стало зябко, несмотря на жаркий июльский день: с другом что-то случилось.

Едва я успела переодеться, как в мою келью вторглась неожиданная гостья – черноокая великолепная Иби. Обычно она меня не жаловала вниманием. Девушки с ее статью рождаются принцессами, но при поступлении в школу она отрекомендовалась дочерью ювелира. Иби прибыла пару месяцев назад с каких-то дальних островов, определена была на знахарский курс, а всеведущий Пелли ворчал, что замок обзавелся собственной колдуньей, причем, черной. «Ты не видела, как она хищно смотрит на младенца Дошеки! Украдет еще для эликсира молодости… И вообще, эта островитянка – шпионка Бужды! Вот увидишь!» – сплетничал несносный мальчишка. Как ни приставал он ко мне, чтобы я открыла непроявленную сущность Иби, только мастер был осведомлен мной, что в островитянке заперт вампир. Но никогда не проявится в ней эта сущность. Так зачем детей пугать? Все мы пока – люди.

Иби не вошла, а ворвалась столь стремительно, что предупредительный стук в дверь безнадежно опоздал.

– Что случилось? – синхронно спросили мы и, не теряя редчайшего между нами приступа единодушия, уставились друг на друга в ожидании ответа.

Терпение гостьи иссякло первым:

– Так это правда, что ты не предсказала сегодняшнее землетрясение, разрушение башни и гибель …

Я похолодела. Альерг уверял, что никто не погиб.

– … половины запасов знаменитых чернил?

– Не смешно и неправда. Гибель чернил я предсказала. Не понимаю, что вы все так веселитесь? Теперь нам за год не заработать столько денег на ремонт крепости.

Иби усмехнулась.

– А ее и не будет никто ремонтировать. Этот курятник давно пора снести, чтобы не оскорблял своим видом небеса. Скажу по секрету, что мастер за обедом объявит о переезде. Точнее, о спешном бегстве. Он мне только что сказал. После Вечита пробужденных здесь не останется ни души, ни камня, ни щепки. Даже следа не будет. Замок сгорит. Ой, да ты сейчас в обморок грохнешься от изумления. Что, не знала? Так значит, правду говорят, что ты уже не пифия? Ах, бедняжка! Ни дара теперь у тебя, ни занятия… Ну, не бойся, Альерг тебя не выгонит. Он добрый, всех калек и попрошаек кормит.

Я привыкла к тому, что никому не внушаю любви, и демонстративная враждебность Иби не портила мне жизни и была мелкой неприятностью, не стоящей переживаний.

Странно было другое: я не видела крепость пустой. Не чувствовала ни предстоящего бегства, ни разрушений. Наоборот, ощущала ее грядущую цельность, как будто огромной ладонью накрыла крепость целиком, вместе с внешними стенами, дворовыми постройками, сторожевыми башнями, остатками заросшего рва и площадью со стороны города. Наблюдала, как под моими пальцами затягиваются камнем и свежим плющом рваные раны стены, зарастает черепицей крыша.

Эту реальность невозможно было спутать с картинками разыгравшегося воображения, как невозможно спутать живую лошадь с картинкой лошади. Или возможно? Или я действительно утратила способность различения и принимаю болезненные галлюцинации за предстоящую действительность? И правда то, что я не пророчица, не пифия, и никогда ею не была, а была и есть – несчастная сумасшедшая, обманывающая всех, но сначала саму себя?

Иби еще что-то говорила, но звук и смысл ее слов был мне уже не внятен, уже не слышен сквозь толстое и абсолютно прозрачное стекло, в неимоверной глубине которого что-то затевалось, начинало дрожать, вибрировать, вспыхивая золотыми отсветами. И я видела, что Иби говорит правду. Видела, что она едет из гибнущего города, вцепившись пальцами в край подпрыгивающей повозки, укрываясь от свистящих вокруг камней, осколков черепиц и стекол, падающих огненных обломков. Вокруг рушатся башни, рассыпаются дома, взламывается трещинами мостовая. На тесных городских улочках кричат, сталкиваются, спотыкаются и падают люди, и погибают под обломками, колесами и копытами, брызгая в стороны кровавыми ошметками тел.

Я бессильно смотрела сквозь густеющее золотое мерцание на растрепанные волосы девушки, порванное роскошное платье, тысячу мелькающих деталей и главную –выворачивающий нутро неистовый ее ужас.

Я молча смотрела на Иби завтрашнюю и сегодняшнюю Иби, и не могла ничего ни сделать, ни сказать, уничтоженная невыносимой, мучительной невозможностью что-либо изменить. Смерть милосердно укрыла ее в то мгновение, когда лошадь, повозку и тело черноокой красавицы раздавила обвалившаяся плашмя стена дома. Из-под обвала потекли багрово-черные ручейки крови.

Кристалл в моей руке пульсировал глухо, со странными перебоями, и молчал.

Иби вдруг побледнела и, дрожа от ужаса, или от ненависти, или от того и другого вместе, завизжала:

– Лжешь! Ты просто очень хочешь моей смерти! Но я не умру! Я еще долго не умру. До тех пор, пока не налюбуюсь на твою мучительную смерть, проклятая лживая тварь!

И выбежала из комнаты.

Значит, Иби тоже слухачка. Почему Альерг не счел нужным предупредить?

Да еще эти два равноценных по силе реальности видения: Гарса целехонького и Гарса разрушенного. И оба – прогноз на завтра. Не слишком ли много на сегодня?

Надо срочно найти мастера. Он лучше знает, что со мной происходит. Он мне все объяснит. Правда, в обмен на его объяснение и мне придется объясниться, но я покаюсь.

Раскаянье не на кого было излить: Альерг исчез, провалился сквозь землю, не дожидаясь завтрашнего дня. В его поисках я, преждевременным привидением пугая нахлынувший в замок народ, – стражников, челядь и размножившихся за последний час вооруженных баграми и топорами посторонних людей, – обошла все наше громоздкое заведение сначала до треснувшей крыши, затем в обратную сторону, до подвалов и подземелья, плавно переходящего в таинственные древние катакомбы.

Разрушения были на удивление незначительными. Наиболее пострадали кабинет наставника и пустующая комната над ним. Именно через эту стену прошла трещина. Под кабинетом располагалась лаборатория мастера. К моей досаде, окованная в броню дверь

лаборатории не пострадала совершенно и была как всегда неприступна. Попасть в святая святых не удалось.

Зато проход, ведущий в подвал под лабораторией и далее в подземные владения Альерга, был заманчиво разверст. Кованую дверь вышибло, пугавшая необычностью светящаяся корочка на стенах растаяла, дальнейший путь был завален обломками. Увы, на страже обломков стоял не первой уже молодости громила, вооруженный топором, – наш мясник, подрабатывавший, по общему мнению школяров, городским палачом, но ни разу ими не пойманный за этим занятием. Кажется, его звали Грено. И палачом он никогда не был и не будет. И лешим, как мечтали знахари. Но разве это школярам интересно?

Взяток пророчествами он не брал. Оказался бесстрашным – лишь посмеивался в рыжие усы в ответ на мои посулы, а потом и угрозы.

– Не велено кого-либо пускать. А тебя, госпожа жрица, не велено особливо.… Да не пугай ты меня! На что мне знать наперед судьбу? Что на роду написано, то и будет.… Да и ты-то, сказывают, уже не можешь читать, у кого что написано. Уж больно головкой тюкнумшись.… Да мы тебя, госпожа, все жалеем меж собой, но пускать не велено.

– Грено, голубчик, ну пожалуйста, я быстренько туда и тут же обратно, никто и не заметит! А я за то скажу тебе, какого цвета плащ будет у твоей невесты. Пусти!

Рыжеусый, заалев как девица, спешно обеспокоился состоянием собственных башмаков.

– Да чего там… Какая такая невеста… И кто это самое… Ну… Кому нужен этакий… Девки нос воротят… Нет, госпожа, не пущу! Нехай с ними, невестами!

Вот такой же маковоцветный, так же неловко переминаясь, он и держал бережно за белую руку свою ненаглядную – застенчивую пышнотелую деваху, гордо поглядывавшую на стайку подружек, стрелявших завистливыми глазками. Парочка млела от счастья. Спасибо, приятно было посмотреть, хватит, дальше не надо, не разочаровывайте меня…

– Ладно, Грено, хоть и суровый ты страж, несговорчивый, да повезет тебе с женой! А плащ у нее будет голубого шелка, как солнечный полдень над ржаным полем, и вышит ею искусно и радостно, как трель жаворонка в июльском небе, и коса на груди такая же как поле – золотисто-ржаная, обильная. И дом – обильный, как ее коса… Не обижай ее, Грено!

Ой, сколько пыли! Непоколебимый страж, обомлев, благодарственно рухнул в ноги:

– Не обижу! Ей-ей! Да я… Век молиться за тебя буду, барышня!

Вот только этого не надо, терпеть не могу! Я-то тут причем? Вы живете – я подсматриваю! Таких как я – гнать надо от замочной скважины, а не благодарить! Расчихавшись, шарахнувшись как ошпаренная мышь от ковша кухарки, я улепетала восвояси, слыша вслед весьма лестные причитания осчастливленного верзилы:

– Ведь ты, госпожа жрица, сколько тебя знаем, ни разочку не ошиблась. Да мы ведь, слышь, не за счастье наговоренное тебя чтим, а за правду-матушку…

Знал бы ты эту проклятую правду, Грено! Знал бы – не стал благодарить. Видел бы ты, как горит ржаное поле, застилая шелковое июльское небо черным дымом. Видел бы, как горит ржаная коса, как прижимают к хрипящей груди натруженные руки тельце пятого твоего ребенка, долгожданной дочки; как вздувается, лопается и чернеет углем эта белая кожа; как рушится, вздымая столб остервенелого пламени крыша твоего обильного дома, погребая все твое короткое счастье. Да не увидишь ты, мертвый, рваной плотью развеянный в чужом поле под копытами чужих коней! Не нужна тебе такая правда, Грено! Пусть никогда ее не будет, пусть хоть раз случится тот «разочек ошибки»! Но и пять лет счастья – это ведь не мало, рыжеусый. У меня и пяти минут еще не было. И разве оно для меня возможно! Столько смертей человеческих в глазах, столько страданий, что нет уже ничего там, где сердце. Выболело. Пусто. Блаженны пифии, что не помнят видений! Я помню все.

Сколько людей – столько смертей, кроме собственной. Хоть в этом, последнем, немилосердные боги пощадили, дали побыть человеком.

4.

Кристалл, зажатый в ладони, затрепыхался, *дракон* истошно заверещал, словно попал под винный пресс: «Гарс! Шаг назад! Сей миг!» Я послушно отпрянула. И вовремя: не к добру упомянутая смерть тут же незримо заржала над головой и шарахнулась, выщелкнув щебень из-под копыт. Пощадила. Оказалось, я уже выбралась из подземелья на широкий мощеный двор и тут же сунулась под влетевшую в ворота кавалькаду, до истерики напугав шедшего в авангарде вороного.

Всадник с закрытым от дорожной пыли лицом, орошенным струйками пота, осадил взмыленного, на последнем издыхании, жеребца. Спешился, как слетел, взвеяв тяжелые полы вышитого золотом плаща, и снисходительно-брезгливый прищур оказался на голову выше уровня моих глаз, еще слезящихся от грядущих хрипов и гари. Тот же слегка раздраженный властный голос, как и двенадцать лет назад в замке Аболан, вынес мне приговор:

– Все так же слепо и глупо, пифия. Никаких изменений за двенадцать лет.

Ну да, со времени моей первой и последней встречи с отцом он тоже не изменился. Так же холоден и чужд. Я-то хотя бы выросла… без отца и матери. Не будь я пифией, вообще знать не знала бы, что эта глыба льда меня породила – не положено об этом знать никому, кроме опекуна.

– Простите, господин, что чуть не затоптала вашу лошадь, – ответила я на приветствие, поклоном скрывая озноб узнавания. – Впредь буду внимательнее.

– Для этого надо убрать дым из глаз и прозреть. За дровами не видишь леса! – бросил он, почти не глядя, как поводья конюху.

Рывком отвернулся и зашагал навстречу салютовавшим стражникам во главе с мастером, непривычно вытянувшимся по струнке. Его сопровождали еще два десятка уже спешившихся мужчин в полной боевой экипировке. Все, как на подбор, остроглазые, мощные, встопорщенные, как соколы на охотничьей руке. Еще четверо осели воинственным налетом по обе стороны ворот.

Так вот они какие – легендарные волуры, равных которым в бою нет.

Что здесь вообще происходит? Землетрясение уже позади. Мы в плену? Сдались без боя? Мастер был уже окружен захватчиками, раздавал поклоны и рукопожатия, оживленно что-то им объяснял, – наверное, просил пощадить невинных, – и на мое недоумение никак не реагировал. Взяв Альерга в качестве заложника, отряд развернулся и вместе с Предводителем отправился прямиком в подземелья. Вовремя же я оттуда убралась!

Я пристроилась сзади, надеясь сойти за тень и незаметно просочиться следом в подземные кущи, звавшие меня неслышимым, уже почти истаявшим стоном. Но Предводитель моментально оглянулся, и так вспорол наотмашь быстрым, как кнут, взглядом, что мою щеку ожгло саднящей полосой. Тут же его глаза запоздало озаботились, но он уже отвернулся.

Вот это взгляд! Бедный узник! Он испепелит его на месте вчистую, без дров и дыма! Испепелил бы, да кто бы ни был с утра в подземельях Гарсийской крепости, того уже там, похоже, не было. Он там стремительно угасал золотистой точкой.

«Убрать дым из глаз»… Что отец имел в виду? Сменить профессию, пока не поздно?

Я продолжила прерванный путь к выходу из оцепления – к заманчиво зияющим воротам, в которые уже вбрел еще один приотставший от кавалькады конек непонятной национальности с длиннющей, желтой как масло гривой и кудрявой, как у барашка, сливочно-кремовой шерсткой. Вкусный такой коник. Желудок сразу вспомнил о пропущенном завтраке, затосковал ворчливо.

Гостя окружили. Своего седока коник заблаговременно где-то сбросил, и теперь проявлял завидную прыть, ловко уворачиваясь от четверых одноликих верзил, приставленных к охране входа в оккупированную крепость. Он издевательски заржал в лицо сунувшемуся к узде рыжебородому налетчику, целясь оттяпать тому нос. Когда тот шарахнулся от хищного клацанья, прыткий четвероногий взвился стрекозой – строго вертикально вверх – и распластался прямо в воздухе, выметнув в стороны все четыре копыта, сбрякавших убойными шелбанами точнехонько в четыре богатырских лба.

С хрустом приземлившись, победитель довольно оглядел поле битвы, усеянное вражескими костями, временно покрытыми плотью. Тряхнул по-львиному густой гривой и горделиво прошествовал по направлению к саду, голося на ходу победную песнь. А говорили, волурам равных нет… Да какой-то четвероногий коротышка запросто уложил четверых одним ударом!

– У меня бред, – убежденно высказал кто-то в сторонке мое мнение. – Белая горячка…

Мой единомышленник возлежал в тенечке внешней стены, любовно обхватив немощными ручками вросший в землю замшелый валун и доверительно прижавшись к нему мятой щекой. Лохматую голову приподнять у него не доставало сил, до того он был пьян и тщедушен, но одно веко было распахнуто широко и изумленно, а чудом удержавшийся в орбите воспаленный глаз медленно вращался, озирая разбросанные тела павших, к которым уже подбирались вороны, оголодавшие со времен давнопрошедшей войны. Павшие, почуяв новую угрозу, зашевелились.

– Ты тоже это видела, Роночка? – uлаз вопрошавшего воззрился на меня и, удовлетворенный кивком, закатился. – Ну, тогда я пошел спать.

– Спокойного дня, дядюшка Кирон, – пожелала я глазу и обладателю оного.

Мой единовидец, вечно пьяный в стельку сапожник – худенький, бледненький, невзрачный и незаменимый – хмыкнул и тоненько захрапел.

В замке его чаще носили на руках, нежели он сам ходил. Школяры-лекари, возвращаясь с воскресной городской бузы, пошатываясь и горланя, неизменно прижимали к груди изъятого из какой-нибудь корчмы всеобщего дядюшку, бережно передавая его с рук на руки как младенца-переростка. Сам мастер души в нем не чаял. С Кироном нянчились, его обожали, следили, чтоб зимой не замерз, летом не перегрелся и случайно не оголодал.

В обутках от Кирона заблудиться было невозможно – ноги сами выводили, куда надо, и свойство это особенно ценили знахари после первой же общей пробы собственноручно приготовленного зелья. Сапогам сносу не было, а башмачки хоть и снашивались, да зато в них порхалось, а не просто так ходилось. Каждая пара обуток была произведением искусства. Но когда искусник успевал их тачать – никто не знал. Любопытным пифиям ни разу не удалось застукать его за этим делом даже в видениях.

Глаз сапожника снова приоткрылся:

– Ты, это… Загляни в мою каморку вечерочком: я тебе башмачки новые стачал. Примерить надобно.

– Спасибо, дядюшка Кирон, за заботу. Очень кстати.

– Да уж заметил давеча, что кстати будет…

Не успела я достичь заветных врат, как возлежавший снова заворочался деловито:

– И вот еще … ты, Роночка, со щекой-то не тяни. Не хороша щека у тебя. Что ж это творится – пифу нашу обидеть! Куда братчина смотрит? Брательнику скажу, он пособит…

И под тихую собственного исполнения колыбельную – «Слышь, братушки, бравы ребятуш-х-рр» – повернулся на другой бочок и уснул сладко, словно не на каменной, а на лебяжьей перине.

Водрузив, наконец, себя в воротах вместо поднятой решетки и отошедшей на покой стражи, я окинула окрестности хозяйским оком.

Мне не хотелось увидеть щербатый, разоренный землетрясением пейзаж, и панорама меня не разочаровала: Гарс был на месте.

Добротные домишки уже вплотную придвинулись к древней крепости, взяв ее в полукольцо осады, широко раскинув вокруг разноцветные каменные шатры и палатки. Между собой и своей основной достопримечательностью, до сих пор скрипевшей подъемным мостом через исчезнувший ров, город почтительно, а больше из вящей предосторожности, оставил необъятной ширины мощеное камнем пространство. Не всякая стрела долетит до середины этой площади – места ристалищ, цирковых шапито и ежегодных ярмарок.

Ристалища сгинули в прошлом вековой давности, шапито – в давности двухмесячной, а осенняя ярмарка дожидалась погожих деньков бабьего лета. Стратегический плацдарм никто не торопился занимать. Свои базарчики город хранил в других, более потаенных местечках, защищенных от разбойных набегов школяров хотя бы дальностью: за переменку пифии не успеют взять кондитера на испуг.

Обозрев издали стройные башенки и шпили наметанным глазом пастуха, пересчитывающего коровье стадо, я вздохнула с облегчением: ни одна не потерялась, и даже не перекосилась, не поморщилась болезненно. Землетрясение осталось внутренним делом крепости, в которое никто не посмел вмешаться.

– И кто это тебя так приложил? – осипший баритон тяжело ворохнулся откуда-то из-под ног, как разжиревший глухарь.

Я опустила взгляд с башенок на грешную землю, покаянно упакованную в серую булыжную власяницу, прижатую от порывов шального ветра еще и окованным горбылем моста. Никого.

– Подать сюда негодяя! – снова ворохнулся глухарь, локализовав себя внизу справа вместе с чудовищным выдохом сивушных паров.

Из канавки на мост, изнемогая, с передышками, выползло существо в коричневом колпаке, с сизой бородой, широкой лопатой насажанной на круглый подбородок, и с тяжелой знатного урожая картофелиной багрового носа.

Существо попыталось встать, но, после некоторой возни, связанной с пересчетом и распутыванием тут же связывавшихся узлом конечностей, удовлетворилось четвереньками и с минуту покачивалось, приспосабливаясь к обретенной точке зрения.

– Н-н-ну? И? – приспособившись, существо одолело новую разновидность телодвижения: с трудом подобрало картофелину с горбыля и попыталось сосредоточить на обомлевшем немом собеседнике сизотуманные глазки, жившие каждый своей жизнью. Но овощ перевесил, и гномья голова плюхнулась в подушку предупредительно постелившейся бороды. Произведенные усилия отняли у существа остатки чуть брезжившей жизни.

Я млела от восторга: редкость необычайная – проявленный гном! Их десяток на все земли. И вот – довелось повидать.

Он оказался не по размерам тяжек, тяжче каменного тролля, и растроганно икнул, прислоненный на узкой полоске травы к бархатному мху специально обросших для таких случаев камней крепостной стены.

Я поторопилась отойти подальше: сивушный запах действовал на меня так, как на младенца штоф зелья лабораторной выгонки – отравляюще в усмерть. Шкодники знахари частенько подсовывали мне в букеты пробку от означенного штофа, и с час потом наслаждались внезапным фонтаном моих одухотворенных поэм. Они крались за бормочущей пиитессой по пятам, втихаря за моей спиной записывали великие строфы и толкали на базаре, как безотказное средство от бессонницы. Я бы простила их, если бы мне доставался хотя б грош выручки.

– Уффф-хо-хо! – блаженно протянул глухой баритон и остановил меня, уже ступившую на путь возвращения в родные пенаты. – Возвернись, Радона дева!

– Какое совпадение! – отметила я, возвращаясь туда, откуда уже начала возвращаться. – Я как раз возвращалась.

– У-у-фф… Имя мое – Ол'олин, – представилось существо с морщинистым, как утес, обликом, выудило из-за пазухи необъятную фляжку, сглотнуло явно половину содержимого, смачно сбулькнувшую в гигантском глотке. – За знакомство!

Жидкость была наверняка живой водой: глаза гнома тут же заблестели и синхронно посмотрели оба в нужную сторону, то есть один глаз туда же, куда другой. Даже тяжелый винный дух заметно ослаб. Даже складки горы слегка разгладились. Гном крякнул, подпрыгнул как оживший мячик, потопал сапожками явно кироновой работы, проверил, на месте ли руки-ноги-ухо-горло-нос и язык:

– За дело, юная дева! Хотя я, вышепоименованный Ол'олин, настоящее дело минувшей ночью и проспал, как и все сегодняшнее бурное утро. Но не по моей вине, а сраженный наповал в неравной схватке с заглотившим меня с потрохами треклятым Змием – сущим врагом человечества и прочих разумных существ, с которым стойко борюсь ежедневно, и неизменно побеждаю, а вероломный тать всегда крадет победу на утро. Потому остались на мою геройскую долю не дела, а так, суетные делишки, но и они требуют к себе нашего драгоценнейшего внимания как назойливые блохи. Ответствуй, дева, на вопрошание мое: кто смел тебя сглазить злой волей?

Его короткий толстый палец указывал на обожженную щеку. Допрашиваемая смолчала.

– Молчи себе, дева Радона! – смилостивился человечек. – Я сам с ним поговорю с глазу на глаз. Еще кто кого пересмотрит! Этот пострел сначала посмотрит, а потом только подумает. Вместо того, чтобы сначала подумать, на что ему смотреть! Это хорошо еще, вовремя опомнился, негодник! Мог бы и главу безвинную в единый миг счиркнуть. Уж, поверь, я этого глазастого знаю как облупленного! Сия десница к нему еще бесштанному самолично не раз прикладывалась! И еще приложится, ежели не осторожится гневить! И длань сия порукой будет слову.

Победитель Змия предъявил моему уважительному огляду крепкую. сероватую, массивную как булыжник, шершавую ладонище. И привиделся мне в ней крохотный, в длинной кружевной рубашонке карапуз, косолапо споткнувшийся о булыжник и шлепнувшийся с маху на твердыню этой хладнокаменной длани. Захотелось отереть страдальцу брызнувшие слезки, которые он уже размазывал грязным кулачком по пухлым щечкам, погладить опушенную каштаново кудрявую головку. Ой, как все это трогательно… бр-р, как сентиментально!

– Узрела? То-то же! – горные складки раздвинулись и сложились в улыбку, гном лукаво поблескивал на меня слюдяными глазками. – Оттаять тебе надобно, неразумная дева! Не нежеланная ты дщерь. Наоборот. Хранимая заботливо. («Угу, в рундуке с молью и лавандой от моли!») Не тешь себя обидой. Знай, востроглазый наш провидит дальше, чем ты способна ныне. Еще беспомощнее стал, поскольку уразумел сию беспомощность и немощность свою пред неизбежным. Да вознамерился и неизбежного избегнуть. Хвала ему за то! Да оттого и попридержал тебя в сторонке как каменья. Иначе-то не может. Не обойти необходимость. А ты должна помочь, дева Радона. Простить сначала, а потом помочь. Уразумела? Вот за то – и возопью я братину сию хмельного меда: за разуменье!

Ох, мудрено! Поди – пойми вокруг-да-окольную вязь! Почувствовав себя на приеме у оракула, я осознала, каково клиентам пифий – тяжко. А оракул меж тем пошебуршал за пазухой, да плеснул в горло добрым водопадом из неиссякаемой фляги.

– Не совсем уразумела. Чтоб совсем уж помочь, чтоб совсем уж не путаться под ногами – я должна совсем уж исчезнуть!

– Во! – воздел палец в небеса повеселевший увлажненный гном. – Истину глаголешь, дева, сама не ведая того, что изрекла! Хо-хо! Должна исчезнуть! Теперь забудь реченное! Но вспомни, когда к тебе утрата возвратится, когда пройдешь сквозь глыбу как сквозь воду, и когда … твой склеп из камня содрогнется покаяньем! И длань сия порукой будет слову.

Я воззрилась на широкую сероватую ладонищу с навязчивым ощущением, что меня только что одурачили. Пока я тупо разглядывала массивную как булыжник лапу, что-то стремительно исчезало из сознания и я даже за хвост не успела поймать юркнувшие мысли. По случаю, а больше с досады на неотвязное ощущение, я, как заправская гадалка, попыталась «пролистать» странного человечка: что было, что будет, чем дело кончится, чем сердце успокоится…

Как оно и подозревалось, ничего у меня не вышло: ни тебе прошлого, ни тебе будущего, ни собственно настоящего, в точности как у фантома Альерга, которого я тоже как-то пытала, сочтя не распространяющимся на Привратника данное мастеру обещание не смотреть на него во веки веков. Мне стало не по себе, и я снова попыталась, уже посерьезнее, взяться за гномью действительность… Нет, не гном это. Похож, но…

Сизобородый вдруг тоненько расхихикался, покатился, судорожно хватаясь за бока, задрыгал ногами, словно я его защекотала этакой русалкой.

– Ой, хи-хи, ой-ой-ой, хи-хи-хи! Хватит, хватит, хи-хи, довольно, нескромная дева! Щекотно! Уморишь старика! Ох, вопрошай, что возжелаешь, все отвечу, что ведаю! Хи-хи! Только не щекочи! И как догадалась, негодница?! Ничего не боюсь, кроме щекотки! Хватит, ох, мочи нет больше!

Такой вопрос у меня был. Издавна. Тот, на который некому ответить. Тот, который задавать не принято в приличном обществе. Старик разом замолчал, насупился непреклонным утесом, молвив, однако:

– Только не это! Мне проще бросить пить, чем сказать тебе это. Можешь защекотать насмерть – не скажу!

Теперь тучкой насупилась я, обхватив колени и уткнув в них подбородок, и уставилась на пустынное, раскинувшееся от канавки до дальних башенок каменное озеро, подернутое рябью булыжников и поросшее пышными кочками подорожников. Над озером гордо реяли стрекозы, синим молниям подобны… А обещал козленочка голодной! Заветный ответ на заветный вопрос! Не щекотать же старика, в самом деле…

– Да и сама посуди, Радона дева, – забеспокоился кряжистый бородач, зауговаривал. – И кто аз есмь, чтоб ответствовать на таковое? («Действительно, – кто?») Да и не можно тебе того ведать, дева Радона. И никому не можно по сю сторону мира. Ибо ответ на сей вопрос твой дается смертным исключительно посмертно. Да и тут каждый – сам себе ответ. Задай ину задачу, что старику ректи посильно…

Я молчала, не получив ответа на главный, жизненно важный вопрос о смысле жизни. Об остальном уже не столь интересно спрашивать.

– Упрямая же ты девица, – вздохнул Ол’олин удрученно. – Что ж… Один вопрос за тобой, а за мной долженствующий ответ. А теперь к иному делу, не столько души, сколько праха земного касательного, приступить надобно безотлагательно! Ежели ланиты твои не смочить моим чудодейственным зельем… И не питай надежды алчной, не изнутри! Изнутри я сам ныне за твое здоровье промочу горло так, что камни запляшут. Это уж моя злая доля – биться до дна за здоровье юных дев. Так вот, ежели сию язву так оставить – гнить будет до конца твоих дней. Изгложет. Ничем не возьмешь, не излечишь. Надобно протереть…

Ол’олин вытащил из кармана сомнительного вида тряпицу, когда-то стираную прямо в болотной жиже, хмыкнул на нее, убедился, что чище не стала, приговорил: «В стирку!».

Да и кинул небрежно через левое плечо. Тряпица взвилась парусом, осела серокрылой ночной бабочкой на мостовую и растаяла на сером же камне, оставив невнятный след. Бородач глянул в небо: не пойдет ли дождик подобрать след. Тот и не вздумал. Все еще утреннее небо, убрав с дороги все облачные помехи, еле-еле тащило упирающееся солнце, передвигая стрелку поближе к заветному обеденному времени. Ол'олин цыкнул на остатки бабочки, и те сами подобрали собственные следы, впитавшись в камень и сгинув напрочь.

– Хорошая идея, – восхитилась я. – А какая экономия на горничных!

Старик, что-то буркнув о ленивых школярах, вечно отлынивающих от трудовой повинности, и о нерадивых отцах, без содрогания кладущих агнцев под нож необходимости, выудил из бездонной пазухи фляжку поменьше, плеснул из нее в ладонь и, не успела я глазом моргнуть, щедро окатил мне лицо нещадным огнем.

Когда удалось проморгаться, прооораться, и убедиться, что и щеки (гладкие), и глаза (зрячие) еще при мне, чудный человечек бесследно исчез, под стать серокрылой бабочке.

Озерная гладь мостовой невозмутимо грела на солнышке барашки булыжников, и лишь в голубой дали того берега сиротливо белел одинокий парус пешехода, мятежно ищущего бури в направлении крепостных стен. Бедняга наверняка не знал, что раздача бурь на сегодня закончена.

Прогулка в сад к обвалившейся стене башни подтвердила мои подозрения. Нигде не было никаких следов стихийного бедствия. С деревьев не обвалились птичьи гнезда. Мячик, застрявший между веток с позавчерашней игры маленьких школяров, спокойно продолжал застревать.

Увиденного было достаточно, чтобы понять, что никакого землетрясения не было. По замку был нанесен мощный удар, шедший снизу, из недоступной части древних катакомб. Если это и землетрясение, то поразительно целенаправленное, в одну точку. И точкой этой было нечто, располагавшееся в охраняемом подземелье.

Такой золотисто-синей точкой, на которую меня с утра влекло как мотылька… Что общего было между этим узником и утренними нищенками? Всем нутром я чуяла их странную схожесть и не могла понять. И чуяла, что еще можно помочь… можно спасти… Если бы меня к нему пустили!

Сама лаборатория была заманчиво обнажена, но являла моему взгляду только голые стены, из которых топорщились искореженные остовы бывших стеллажей. Полок не было. Пола не было тоже. Любовь опекуна к деревянным перекрытиям в собственной башне дорого ему обошлась. Там, где должен был быть пол, зияла клубящаяся пылью и мраком дыра в никуда. Но мне стало совсем нехорошо, когда я обнаружила, на чем держался потолок лаборатории, следовательно, и пол кабинета, на котором совсем еще недавно я возлежала как в собственной купели. Он был насквозь изрешечен мелкими дырками, аккуратно подрезан по периметру и опирался центром и кое-где по бокам на несколько перекрестившихся в падении толстенных бревен, нижние концы которых исчезали в разверстой дыре. Во что упирались эти огромные бревна внизу, я не смогла рассмотреть. Но собралась выяснить.

Альерг возник из-под земли в тот момент, когда я вскарабкалась на бывшую стену, лежавшую теперь почти аккуратной грудой, и уже почти шмыгнула в пролом. Подоткнув юбку, я уже занесла ногу, чтобы проникнуть, наконец, в запретное место, не взирая на редкий град все еще сыпавшихся сверху камней, штукатурки и мелких предметов верхней кабинетной обстановки. Иной мотылек не так стремится на свет, как я в эту тьму. Нога заскользила вниз удивительно легко.

Мастер схватил меня за шкирку, основательно придушив при этом, и решительно выдернул из пролома. Точно так же, как однажды, в первый день прибытия в порт Олла, меня

извлекла рука из-под трактирного стола при попытке бегства, когда я пятилетним затравленным тараканом сигала на четвереньках между вонючими и просто пыльными ножищами завсегдатаев, поражаясь попутно разнообразной географии обуток: от лаптей и калош до вышитых с изогнутыми носками чеботов. Я попыталась уцепиться за мелькнувший край столешницы и нырнуть если не в сегодняшний пролом, то в тогдашнюю тарелку с дымящимся супом, но наставник пресек и эти поползновения в минувший день на корню, взревев в ухо оглушительным набатом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.